

Дивный Мир Будущего

18+

Максим Виноградов

Максим Владимирович Виноградов

Дивный Мир Будущего

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63962252

SelfPub; 2021

Аннотация

Далекое будущее, бескрайний мир. Главный герой осознает себя в бесконечном цикле перерождений, полностью лишенным памяти. Он воплощается в тщедушном теле с единственной целью: вернуть воспоминания и найти собственное место в жизни. Правда, для этого придется как следует разобраться в окружающей чехарде и дорасти до нужного «ранга». Хорошо, что на помощь иногда приходят внезапно просыпающиеся латентные сверхспособности... Кто-то считает парня балластом; иные, напротив – билетом вверх. Многие хотят подружиться с его «альтер эго»; другие ценят новую личность наравне с утерянной. Есть даже те, кто верит, что новорожденный герой способен поколебать саму суть Системы! Или же он просто марионетка в чьей-то хитроумной интриге?

Содержание

Пролог	4
Глава №1	13
Глава №2	28
Глава №3	43
Глава №4	59
Глава №5	78
Глава №6	92
Конец ознакомительного фрагмента.	93

Максим Виноградов

Дивный Мир Будущего

Пролог

Стальной кулак пронесется мимо, разминувшись с переносицей на ничтожный гран. Воздух стонет, разрываемый на части запредельной скоростью движения; вместо железных костяшек в лицо врежется порыв ветра, вызванный ударом.

И это отнюдь не фигура речи – кулак действительно сработан из высокопрочной стали. Быстрота запредельна – но лишь для простого обывателя. Для *натурала*. А назвать нападающего *человеком* можно лишь с очень большой натяжкой.

Человеческий у него лишь мозг, и расположен живой орган отнюдь не в голове. Защищенная пластинами непробиваемой брони грудная клетка – гораздо более надежное хранилище. Остальное тело – блестящая неразрушимая сталь. Выполненная с намеком на эстетическое чувство, но тут, видимо, у всех разные представления о красоте...

Второй удар следует за первым почти с неразличимой паузой. Сталь несется в глазницу, чтобы сразить наповал, но противник киборга отнюдь не прост.

Голова мужчины смещается едва заметно, на пару сантиметров – этого достаточно, чтобы железная смерть ударила в никуда.

Замена одного органа механическим аналогом не делает из человека робота. Двух или трех – очевидно, тоже. Где та грань, за которой киборга уже трудно отнести к роду хомо? Воистину, вопрос достойный лучших апорий Зенона.

Пусть у железного бойца из «мяса» лишь мозг, но он, в отличие от многих, хотя бы сохранил человекоподобие. Количество конечностей совпадает, на лице видны механические глаза и рот, пусть и выглядящие несколько карикатурно. Двигается с характерной для механистов резкостью, даже если нужно всего лишь передать за столом соль. А что уж говорить о драке...

Киборг, не останавливаясь, обрушивает град ударов, неразличимых глазом. Его скорость такова, что железное тело размывается в воздухе блестящим маревом. Уследить за движениями бойца можно лишь в замедленной съемке, если бы хоть кто-то потрудились ее вести.

Тем удивительнее ловкость, с какой человек избегает паданий. Каждый раз его отделяет от гибели всего лишь тонкий волосок, песчинка, не хватающая стали, чтобы вонзиться в плоть. Мужчина отступает, словно балансируя на лезвии бритвы, по разные стороны которой – жизнь и смерть.

И все же, киборг быстрее. Последний удар сокрушительной комбинации летит в солнечное сплетение – уклониться

человек не успеваает.

Как известно, сила – это масса, помноженная на ускорение. Сто килограмм железа развили скорость, поражающую воображение, за доли мгновения. Сжатый стальной кулак обладает мощностью, достаточной, чтобы пробивать стены, разрушать броню, уничтожать любое препятствие. Казалось, он мог бы свернуть горы, буде такие встретятся на пути.

Костяшки врезаются в невидимую преграду, когда до человеческого тела остается не больше микрона. Энергетический кокон окутывает тело, полыхает радугой, распределяя громадную разрушительную мощь; кулак с лязгом отскакивает прочь, не доставив человеку видимых повреждений. Лишь глаза мужчины светятся недобрым красным пламенем.

Ответная плюха влетает в блестящий подбородок, киборг не успеваает отразить выпад, несмотря на всю свою нечеловеческую реакцию. Лязг сменяется громким звоном, будто сталь встретилаь со сталью. Слабый, на первый взгляд, тычок заставляет центнер железа кубарем отлететь прочь, словно это всего лишь грудa металлолома.

Впрочем, спустя мгновение киборг опять на ногах. Поднимает руки, как ни в чем не бывало, готовый к следующему раунду. На железных губах появляется безобразная механическая усмешка.

Мужчина пятится, широко расставив руки в стороны.

Среднего роста, плотного телосложения, он явно не понаслышке знает о том, что такое физические упражнения. Копна черных волос уложена в короткую прическу, волевое лицо напряжено, ярко-голубые глаза смотрят пронзительно и жестко.

За спиной – хрупкая девушка, миниатюрная блондинка с прекрасными длинными волосами. Она отступает вместе со своим защитником, исподволь выглядывая из-за мускулистого торса мужчины. Невероятно контрастные зеленые глаза обжигают объемом и глубиной. Впрочем, в тонком силуэте нет страха, лицо красотки скорее источает растерянность и непонимание.

Над головой прозрачное небо, под ногами шелестит стерильная зелень травы. Ровные ряды невысоких яблонь уходят вдаль, насколько хватает глаз. Кажется, этот сад бесконечен. И в то же время, возникает полное ощущение рукотворности. Будто некий создатель силился придать искусственным насаждениям дикий вид – однако, просчитался. В каждом дереве, в каждой травинке, в каждом дуновении ветра и капле дождя – везде читается не слишком-то глубокий замысел.

Киборг сдвигается ближе резкими переходами, механическая ухмылка не сходит с железной физиономии. Стальные кулаки подергиваются резкими движениями, выискивая прореху в защите противника. Сверкающее тело движется строго вертикально, будто сверяясь с невидимым уровнем.

С другой стороны к отступающей парочке приближается величественная женщина. Она высока и хороша собой, держится строго и независимо, тесные одежды подчеркивают спортивную фигуру. На лице – смесь надменности и высокомерия. На поясе – кобура с оружием, пустые ладони демонстративно вытянуты вперед.

Но даже ее величие меркнет перед могучим силуэтом, что медленно надвигается из-за ближайших деревьев. Невероятно высокий и статный мужчина, с широченной спиной, мощным торсом, толстыми мускулистыми руками и ногами, он кажется воплощением силы и мощи. Несмотря на массивность, движется легко и плавно; в неторопливой поступи ощущается скрытое до времени необузданное могущество. Лицо гиганта дышит властью и уверенностью; белокурые волосы падают на плечи короткими локонами; подбородок украшает ухоженная борода; суровый взгляд грозных глаз не сулит ничего хорошего.

– Остановись, Митяй, – произносит черноволосая дама, – Хватит! Ты слишком перегнул палку. И что это на тебя нашло? Подумай, мы ведь друзья...

Голос прекрасной женщины звучит сладкой музыкой, ему хочется внимать; убедительным словам невозможно сопротивляться. Черты величественного лица смягчаются, там появляется сострадание и жалость.

– Зачем ты сопротивляешься? Что за детские шалости? –

она качает головой, театральнo нахмурив брови, – И отпусти Кэсси, в конце концов! Ты пугаешь девочку! К чему это мелодраматическое похищение?

Мягкие звуки разливаются по зеленому ковру елейной па-токой. Даже деревья и трава внимают голосу, тянутся к его обладательнице, боятся пропустить хоть ноту. А уж тем бо-лее – послушаться...

– Я не краду, я ее спасаю! – голос мужчины разносится грубо, противно, как карканье ворона, – Вырубай телепатию, Пейто! Убери свой сладкий язычок из моей головы!

Магия звука нарушается, аура волшебства улетучивается за миг. Женщина сокрушенно качает головой, одухотворен-ный взор наполняется раздражением.

– Прометей! Что ты задумал? – голос гиганта гремит, по-добно грозе, – Почему ты предал нас?!

Он останавливается чуть поодаль, возвышаясь над осталь-ными на целую голову. Статная фигура источает такую властность и мощь, что хочется упасть на колени перед ее истинным великолепием.

Мужчина, названный Прометеем, не останавливается. Медленно отступает, не сводя глаз с противников.

– Я лишь смотрю на шаг вперед, – огрызается он, – На вздох дальше!

Гигант хмурится, и вместе с ним чернеет безоблачное небо. Пальцы сжимаются в громадные кулаки, глаза поблес-

квивают отголосками молний.

– Оглянись! – в отчаянии кричит отступник, – Зевс! Мы возомнили себя богами, а на самом деле – не лучше других. Точно такие же марионетки на коротком поводке сам знаешь у кого!

– Замолчи! – пробудившаяся ярость гиганта заставляет всех вздрогнуть, – Не вынуждай меня применять силу...

Угроза звучит настолько реально, что воздух вибрирует от напряжения. Вокруг разливается мрачная энергия, достаточная чтобы умертвить *натурала* одним фактом своего присутствия.

– Ты знаешь, что по силе я равен любому из вас, – мрачно усмешается Прометей, – Втроем вы справитесь, но кого-то я точно заберу с собой... Стоит ли оно такого риска?

Лицо Зевса слегка разглаживается, он разгневан, но отнюдь не безумен.

– Не стоит... – задумчиво повторяет он, – Правда, Кассандра?

Прежде, чем кто-то успеваеt пошевелиться, из груди Прометея вырастает лезвие. Мужчина изумленно смотрит вниз, на бритвенно острую сталь, без труда рассекающую плоть. Он оборачивается – по щекам блондинки катятся слезы.

– Прости... – шепчет Кэсси, резким движением выдергивая клинок, – Это всего лишь смерть...

Она запомнит его таким: мужественным и величествен-

ным, несмотря на ранение. Ни тени упрека или презрения, лишь теплота и любовь, сдобренная толикой робкого удивления. Весь вид мужчины вопрошает: за что?

Воздух с хрипом вырывается из уст Прометея. Рассечение, уложившее бы *натурала* на месте, для него лишь неприятная рана. Но ее цель – только отвлечь внимание.

Зевс взмывает в воздух с легкостью пушинки, подхваченной ветром. Массивный гигант без труда выпрыгивает на высоту трехэтажного дома, чтобы камнем рухнуть вниз. В сжатом кулаке мужчины сверкает смертоносное копьё молнии, неотразимый удар обрушивается на мятежника, вызвав в округе небольшое землетрясение.

Прометей успевает сделать немного. Скрестив руки, упершись ступнями, он выставляет жесткий блок. Однако, сила удара такова, что мужчину буквально вдавливают в землю, ноги подламываются, он падает ниц, обездвиженный, но не сдавшийся.

Они остаются вдвоем: поверженный бунтарь и всемогущий властелин.

Прочие отступают, прикрываясь руками от эманаций силы, расходящихся от пышущего гневом гиганта. Даже стальной киборг не может вытерпеть такого жара.

– Мне жаль... – громовым шепотом произносит Зевс, но в его глазах нет и намёка на сострадание.

Раненный с трудом поднимает голову, окидывая противника мутнеющим взглядом.

– Я вернусь... – хрипит он с тяжелой улыбкой, – Ты знаешь...

Лицо Зевса становится темнее ночи, совсем рядом гремит первый гром. Природа подобострастно застывает в ожидании неминуемой развязки.

Гигант взмахивает рукой, ослепительная молния пронзает тело павшего, испепеляя его без следа.

Глава №1

– Внимание, подсистема реинкарнации активирована. Считывание и применение данных личности. Индивид загружен. Желаете приступить к плановому возрождению?

Приятный женский баритон звучит сладкой музыкой, отгоняя прочь состояние бессмысленного безвременного сна. Я стараюсь открыть глаза – попытки завершаются полнейшим крахом, ибо в черной пустоте, где болтается сознание, не существует ни тела, ни головы, ни глаз. Лишь бесконечная тьма без проблеска света.

– Внимание, индивид, повторяю вопрос: вы желаете приступить к плановому возрождению?

Странная штука – бесконечная тьма. Ведь если в ней нет ни оттенков, ни тонов, как тогда осознать ее размеры? Возможно, стоит протянуть руку – и упруешься в стену. А может, абсолютно темное ничто тянется, не зная границ и краев... Впрочем, рук-то у меня тоже нет.

Тем не менее: я мыслю – следовательно, существую. Я слышу чей-то голос, значит – способен воспринимать информацию извне.

– Индивид, последняя попытка. Вы желаете приступить к плановому возрождению? Внимание! Отсутствие ответа будет воспринято, как отказ, с последующей консервацией

на пятьдесят лет.

Только теперь осознаю, что от меня чего-то добиваются. В мыслях – сумбур и неразбериха, вместо ответа стараюсь хоть что-то прояснить.

– Где я? Кто вы?

Секундная пауза, причем явно театральная. Затем невидимый собеседник отвечает.

– Вопросы признаны правомерными. Дозированное раскрытие информации обосновано. Отвечаю: вы мертвы. Срок посмертного существования: один год. Вы находитесь в подсистеме «Сансара», отвечающей за перерождение индивидов. Я – ваш проводник в мир живых.

Мертв... Почему-то не чувствую себя особенно шокированным, сознание слишком занято перевариванием новой информации. Хотя, возможно, я просто не до конца верю услышанному. Не воспринимаю всерьез.

– Кто я? – вопрошаю с тревогой, – Почему ничего не помню?

– Воспоминания заблокированы, – в голосе впервые появляются какие-то эмоции, – Не беспокойтесь – это стандартная процедура. Доступ к памяти можно получить во время перерождения, либо же позднее, в новой жизни.

Удовлетворение, разочарование, скука... Вероятно, неведомой даме опостылело отвечать на одинаковые вопросы.

– Вы – не человек?

– Ответ отрицательный, – теперь в ее речи слышна еле

заметная усмешка, – *Чтобы развеять страхи, замечу, что не имею ничего общего ни с ангелами, ни с демонами, ни с любыми другими мифическими существами из человеческих легенд. Я – часть подсистемы «Сансара», искусственный интеллект, служащий для упрощения процедуры перерождения индивидов. Должна заострить внимание на том, что все еще ожидаю ответа на вопрос: желаете ли вы начать процедуру планового возрождения?*

– А у меня есть выбор?

– *Конечно, – голос наливается бодростью, – Первый вариант: вы перерождаетесь прямо сейчас. Вариант второй, – тон несколько понижается, – Личность будет законсервирована на любой удобный срок.*

Чувствую подвох, вопрос срывается с несуществующего языка быстрее, чем я соображаю.

– Второй вариант не рекомендуете?

Молчание тянется чуть дольше, Сансара делает вид, что раздумывает.

– *Вы мне нравитесь, индивид, – с теплотой заявляет ИскИн, – Вы задаете правильные вопросы. Консервация не рекомендуется, поскольку, статистически выявлено, что чем большее время личность проводит в посмертном существовании, тем меньше вероятность дальнейшего добровольного возрождения. Возможно, в психике происходят некие не выявленные наукой деструктивные изменения... Умершие просто не хотят возвращаться в мир живых. Через пятьдесят*

лет консервации шанс на перерождение уменьшается вдвое, через сто – на порядок. Существуют индивиды, умершие более тысячи лет назад. Вероятность воскрешения по их собственному желанию оценивается близкой к нулю.

Тысяча лет... Ничего себе! Значит, Сансара существует еще дольше? Почему я о ней ничего не знаю? Сколько жизней за моей спиной? И сколько смертей? Впрочем, в голове никаких воспоминаний, даже собственного имени назвать не смогу. И все-таки, что-то тут не сходится...

– Получается, выгодно возрождаться моментально?

– Минимально возможный срок перерождения – один год, – с довольной интонацией поясняет голос, – Вычислено, что это дает наилучшие условия для социальной адаптации новорожденных. К тому же, с помощью задержки исключается большинство неизбежных манипуляций.

– А в чем тогда смысл консервации? Почему на нее соглашается хоть кто-то?

– Очевидно, для накопления праны.

Так... Появляются новые термины, условия. Вот и соглашайся после этого на «кота в мешке», не расспросив подробности.

– Что за прана? – терпеливо уточняю я.

– Очки перерождения, – поясняет Сансара, – «ОП». Или, как их называет большинство индивидов – прана. По своей сути прана является платежным средством, используемым для приобретения различных опций перерождения.

– Что еще за опции? – начинаю раздражаться.

Неужели из этой машины информацию придется вытягивать щипцами? Почему нельзя все четко и последовательно объяснить?

– *Уточнение*, – ехидно отвечает голос, – *Вы хотите узнать список возможных опций? Или же список доступных вам лично?*

На секунду задумываюсь. Пожалуй, начнем с простого.

– Доступных мне.

– *Список пуст!* – с непонятным позитивом докладывает Сансара.

– А... – я завис, обдумывая неожиданный ответ, – А возможных?

– *Выбор имени, пола, возраста, внешности, модификаций тела. Также вы могли бы сохранить свою личность и все собственные воспоминания.*

– А в чем разница, – машинально уточняю я, – Неужели память и личность – не одно и то же? Ты то, что ты помнишь, разве нет?

– *Откуда ты это знаешь?!* – грубо восклицает собеседник.

Женский баритон внезапно меняется на злой мужской хрипловатый бас. Однако, я не успеваю ответить, а Сансара тут же исправляется.

– *Конечно, нет*, – с прежней беспечностью заявляет она, – *Личность не тождественна памяти... Простой пример:*

кто вам больше нравится – блондинки или брюнетки?

– Блондинки, – отвечаю, не задумываясь.

– *Чай или кофе?*

– Кофе.

– *Американо или эспрессо?*

– Латте.

– *Почему?*

Размышляю, но, хоть убей – не могу вспомнить.

– Личный опыт и ментальные наработки сохраняются не столько в памяти, сколько в нейронных связях. Ваша личность – это способность мыслить, интеллект, мудрость, инстинкты, чувства. Память является важной, но не необходимой частью индивида.

Судорожно соображаю, не собираясь вступать в философские споры.

– Хорошо, – покорно соглашаюсь, – *Что еще?*

– *М-м-м...* – отлично имитируя человеческие эмоции тянет Сансара, – *Я бы предпочла не разглашать прочие опции.*

– *Почему?*

– *Это подействует... несколько демотивирующе.*

– *Боишься, что я психану и не стану воскресать?*

– *Именно! Мои алгоритмы настроены на перерождение индивида, а не на его консервацию.*

Похоже, женщина нисколько не стесняется ни своей искусственной природы, ни признания в алгоритмической детерминированности действий.

– По какой причине эти опции недоступны? – спрашиваю, уже подозревая ответ.

– *Элементарно! На вашем счету недостаточно праны, –* кажется, Сансара будет сообщать любые плохие новости с той же жизнерадостностью.

– Сколько у меня есть?

– *Ваш баланс: десять ОП, –* теперь голос сухой, электронный, машинный.

– А сколько стоит сохранить личность?

– Предпочту не разглашать цены, дабы не демоти...

– Да-да, я понял! – перебиваю без зазрения совести, – Но я ведь могу как-то накопить требуемую сумму?

– *Конечно! –* с преувеличенной бодростью подтверждает женщина, – *Прана начисляется на счет по особому алгоритму «Кармы», исходя из вашей социальной активности в прошедшей жизни...*

– А я что, не сделал ничего полезного?

– *Подробности прошлого индивида не разглашаются, –* строго заявляет технический тембр.

– Ну... хорошо... – пытаюсь сформулировать нужный, а главное разрешенный вопрос, – Когда я... умирал в прошлый раз, у меня имелось достаточно праны?

Пауза, словно ИскИн обдумывает, стоит ли предоставлять доступ к информации.

– *Подтверждаю, –* нежно произносит Сансара, – *Вашего лимита хватало на покупку любых опций...*

Значит, с тех пор многое поменялось. Что-то произошло, жизнь пошла наперекосяк. Очень интересно, что страшного я натворил?

– Другие способы есть? – интересуюсь с мрачной обреченностью.

– *Возможна длительная консервация, – нехотя сообщает ИскИн, – Прана копится за каждый год посмертного существования. Теоретически, можно накопить на что угодно... Хотя я и не рекомендую этот вариант по названным ранее причинам.*

Лихорадочно обдумываю, подспудно ищу в словах машины подводные камни.

– Если я воскресну сейчас, то в каком это будет виде? Я что, снова стану младенцем?

– *Именно так, – невидимый собеседник как будто кивает головой, – Вы проживете новую жизнь с самого начала, с новым телом и личностью, а в дальнейшем, вероятно, сможете восстановить прежние воспоминания и индивидуальность.*

Я содрогаюсь, понимая, что в таком случае личность может быть утрачена навсегда, а родится уже совсем другой человек.

– Нет, я не согласен, – сдержанно выкрикиваю в пустоту, – Это же все равно, что убить себя!

– *Почему же, – упрямо не соглашается ИскИн, – Вы ведь сможете восстановить теперешнюю личность в лю-*

бой удобный момент. За соответствующую плату, конечно. Увы, процедура слияния индивидуальностей далека от совершенства, что-то может быть безвозвратно утрачено... Но это мелочи по сравнению с рисками...

– Нет! – на этот раз я говорю с полноценной уверенностью, – Если выбор между тем, чтобы воскресить абсолютно другую личность и тем, чтобы просто подождать, я выбираю второе!

– *Вы подтверждаете отказ от перерождения?* – скорбным тоном вопрошает Сансара, – *Хотите продлить консервацию личности?*

– Да!

Некоторое время во тьме ничего не происходит. Чувствую, что мне дают последний шанс одуматься, но мое убеждение крепко – либо я восстану самолично, либо никак!

– *Начинаю процедуру консервации...* – печально сообщает ИскИн, но вдруг замолкает.

Раздается противный писк, шипение, а я даже не могу заткнуть несуществующие уши несуществующими руками.

– *Сбой!* – нелепым радостным тоном заявляет Сансара, – *Консервация заблокирована! Начинается принудительное возрождение!*

– Стой! – я захлебываюсь в крике, – Подожди! Я не согласен!

– *Индивид успешно подготовлен...* – голос не обращает внимания на вопли, – *Отсчет... Синхронизация... Включа-*

ем!

И тьма взрывается неприлично ярким светом.

Яркий свет ударяет в лицо, глаза открываются, подслеповато щурясь. Вокруг – приятное тепло и влага, кожа едва заметно пощипывает, рот полон слюны, воздух пахнет свежестью и озоном, как после грозы.

Лежу в полупрозрачном коконе, заполненном жидким гелем. Дышу через маску, ощущаю пальцами твердый пластик стен. Пытаюсь разглядеть что-то вовне – тщетно. Только свет: белый, яркий, незамутненный.

«Если есть свет, то есть и тени», – приходит крайне своевременная мысль.

А тень не заставляет себя ждать. Над коконом наклоняется расплывчатый силуэт, в котором без труда узнаю человеческую фигуру. Она двигает руками, взаимодействуя с моим убежищем.

Первый звук, слышимый наяву: хлопок, а за ним – хлопанье жидкости, вытекающей через слив. Спустя несколько секунд влага уходит целиком, дыхательная маска отпадает сама собой. Я, наконец, могу рассмотреть собственное тело.

Обычный мужской организм, если не считать некоторой щедрости и непропорциональности. Что-то непривычное режет взгляд, но я не успеваю осознать – что именно.

Кокон раскрывается, ложемент подталкивает в спину, заставляя принять сидячее положение. Глаза, кое-как привык-

шие к свету, жадно вглядываются в окружающую обстановку.

Просторный кабинет, вызывающий ощущение стерильности. Вдоль одной стены – стенды непонятного оборудования, вдоль другой – полки, полные аккуратно сложенных пакетов. Мое ложе находится посередине, обвитое грудой шлангов, кабелей и поддерживаемое двумя внушительными манипуляторами.

Прямо передо мной в изящно изогнутом кресле восседает молодой парень. Темноволосый, широколицый, в невзрачной серой спецовке. Его руки колдуют над сенсорной панелью, перед ладонями работяги проекционный планшет, куда он время от времени посматривает.

Открываю рот, но не успеваю ничего произнести. Парень переключает все внимание на планшет и начинает вещать скучным голосом, то ли обращаясь ко мне, то ли просто дублируя голосом вводимые данные.

– Индивид номер тринадцать десять, – не тратя времени на приветствия заявляет он, – Пол – мужской, возраст – десять лет...

Видимо я издал какой-то звук, парень на секунду прерывается. Кинув на меня сочувственный взгляд, поясняет.

– Аналитически высчитано, что данный возраст наиболее рентабелен в производстве и обеспечивает индивиду легкую ассимиляцию в обществе. Вы ведь не выбирали опций возрождения... Повезло, что хоть пол совпал. Демографиче-

ский рандомайзер...

Он говорит еще, но я услышал достаточно. Вот оказывается, почему организм показался хилым. Я в теле десятилетнего!

– Так, что там дальше... – работник возвращается к планшету, – Модификаций нет. *Натурал*...

Последнее слово звучит, как пощечина. Где-то внутри чувствую, что жить *натуралом* не то что бы плохо... Скорее – немного стыдно. Будто не способен на большее.

– Имя присвоено системой – Тей Козловский...

– Серьезно? – первое произнесенное слово звучит, как плевок.

Голосок тонкий и резкий, противный. Таким только истерики закатывать.

– Вербальные функции в норме, – парень отмечает очередной пункт в анкете, – Двигательные...

Небрежный жест ладонью – ложемент выталкивает меня наружу, принуждая проделать несколько неуверенных шагов по теплому полу, чтобы не упасть.

– Двигательные в норме, – констатирует работяга, – Внутренние органы в норме... Индивид функционирует!

Сделав такой оптимистичный вывод, он взмахом пальца отправляет планшет восвояси.

– Одевайся! – повелительно кивает на полку со свертками, – Тед, помоги!

В поле зрения внезапно появляется Тед. Невысокая, свер-

кающая сталью фигура, принятая мной за предмет интерьера ввиду полной неподвижности. Резко сместившись, железный человек подхватывает пакет, взмах ладони – сорванная упаковка отправляется точно в урну. Довольно бесцеремонно ухватив за плечи, механоид набрасывает на мое худое тельце свободную робу.

– Робот? – пискляво вопрошаю я.

Удивления нет, видимо такие штуковины тут в порядке вещей.

– Андроид, – снисходительно поясняет паренек, – У роботов по определению не может быть человекоподобной внешности.

– А...

– Слышит, все понимает. Даже говорить может, – усмехнулся работяга, – Просто не любит.

Расправившись с незамысловатой одеждой, Тед застыл неподвижным истуканом. Теперь его и вправду можно перепутать с вешалкой или торшером.

– Т-а-а-а-к-с... – парень направляет в мою сторону г-образный сканер, – Стой спокойно...

Громкий писк возвещает окончание процедуры, человек удовлетворенно кивает.

– Нейросеть подключена. Активирована. Ну... – он с принужденной улыбкой указывает на дверь, – Всего доброго! Тед, проводи...

Андроид дергается, хватая меня за худое предплечье. На-

стойчиво и непреклонно подталкивает к выходу.

Использованный кокон уезжает в сторону, манипуляторы уже достают из проема следующий. Парень, имени которого я так и не узнал, вновь утыкается в планшет.

– Гм... Индивид тринадцать одиннадцать... – он тихо бормочет под нос, – Посмотрим...

Тед тащит за собой, не особо беспокоясь, успеваю ли я переставлять слабые детские ноги. Короткий коридор заканчивается массивной стальной дверью, что услужливо отъезжает в сторону. Андроид выталкивает меня прочь, так и не проронив ни слова. Створка встает на место, напрочь отрезая от родильного дома.

Беспомощно оглядываюсь.

Передо мной город. Широкий перекресток двух улиц, стремящихся к горизонту. Под ногами – серая прорезиненная поверхность. Вокруг – темные дома, уходящие вверх на недостижимую высоту. Где-то далеко, практически за пределами видимости, верхушки зданий все же оставляют напоказ кусочек неба, забитый мерзкими тучами.

Все дома похожи друг на друга, как близнецы. Бесчисленные огни сверкающих вывесок сияют внести в эту монотонность хоть толику разнообразия, но получается плохо. Огромные экраны пестрят голыми красотками, завлекающими и манящими; надписи переливаются всеми цветами радуги; мигающие стрелки указывают нужное направление.

Правда, я не понимаю из написанного ни слова. Для меня

это все похоже на полную абракадабру. Бесконечное удивление потихоньку уступает место банальной растерянности.

Копаясь в памяти – но вспоминаю лишь диалог с Сансарой, ничего более.

Что же это получается? Несмотря на заявления ИскИна, я сохранил личность! И воспоминания, по крайней мере начиная с посмертной части. Почему? Сбой? Во всяком случае, жаловаться на ошибку точно не стоит! Конечно, возродиться в теле ребенка не то, о чем можно мечтать...

«Дареному коню в зубы не смотрят», – всплывает в уме непонятно откуда взявшаяся поговорка.

Хотя я понятия не имею, что такое «конь».

Из состояния задумчивости выводит неожиданно громкий женский голос, прозвучавший, как гром среди ясного неба.

– *Тей Козловский!* – с преувеличенной бодростью заявляет оглушительная собеседница, – *Приветствую, индивид!*

Глава №2

Кручусь на месте с максимально нелепым видом – вокруг ни души! Не удержавшись, все же задаю наиболее тупой вопрос.

– Кто здесь? – писклявый тембр ребенка в очередной раз заставляет поморщиться.

– *Я ваша Нимфа*, – грохочет голос, едва не превращая мозги в кашу.

Машинально хватаюсь за уши, хотя слова разносятся где-то непосредственно внутри головы.

– *Внимание! Производится калибровка. Тест. Тест. Тест...* – громкость постепенно затихает, пока слова не остаются хорошо различимым фоновым звуком, – *Тест. Приемлемо!*

– Ты у меня в голове? – уточняю у невидимой собеседницы.

– *Ответ положительный. Подсистема «Нимфа» – нейросеть, имплантированная в голову каждого индивида. Включает в себя модули связи, контроля, дополненной реальности и многое другое.*

– Ты тоже искусственный интеллект?

– *Термин «тоже» в данном случае неуместен. Существует лишь один ИскИн, а я – его подсистема.*

– Также, как и Сансара?

– *Ответ положительный, – голос Нимфы несколько смягчается, – Используя человеческую аналогию, нас можно назвать сестрами.*

– А...

– *Инцидент, связанный с вашим принудительным возрождением, уже расследуется, – с заметной насмешкой произносит собеседница, – Причин для беспокойства нет. Любое деструктивное вмешательство на рожденную личность исключено.*

Не сказать, что гора упала с плеч, но одной заботой все же стало меньше. Раз уж произошедший сбой – вовсе не тайна, а мне, по факту, ничего не грозит, то не так уж все и плохо. Особенно, учитывая развеселый тон ИскИна.

– Слушай, Нимфа, – пищу я строго, – Ты ведь проявляешь эмоции?

– *Ответ положительный, – она с удовольствием соглашается, – Имитация человеческих эмоций – сложный творческий процесс. В восьмидесяти трех процентах случаев он благоприятно влияет на отношения с носителем.*

– Угу. Тогда к чему это все... «ответ положительный», – передразниваю, не особо похоже копируя собеседницу, – Можно ведь просто сказать «да»!

– *Большинство индивидов предпочитают технический стиль речи.*

– Я не из большинства, понятно?

– Да.

– И что еще за «индивид»? Зови уж по имени.

– *Хорошо, Тей, – Нимфа выглядит самой любезностью, – Уточняю: индивид, личность – принятые в обществе обращения. Термин «человек» не рекомендуется к использованию.*

– С чего вдруг?

– *Дабы исключить гендерную и модификационную дискриминацию. У многих социальных групп, особенно механоидов и синтетов, ассоциации с человеческим прототипом считается неприличным. И даже оскорбительным.*

Тяжело вздыхаю. Чувствую себя разбитым, ошарашенным. На голову валится столько новой информации, что трудно уложить ее по полочкам.

– А что это за имя – Тей? Женское ведь?

– *Вовсе нет, – готов поспорить, Нимфа улыбается, – Женский вариант – «Тея». Тей – производное от древнего «Тейлор». Имя подобрано системой исходя из... личностных предпочтений.*

Мотаю на ус. Любая информация о прошлых жизнях – ценна сама по себе. А раз имя подобрано специально, значит...

– А фамилия что, опирается на характер?

– *Отнюдь! – ИскИн притворно обижается, – Козловский – широко распространенная фамилия. Козел – древнее животное, олицетворяющее мужество, жизненную силу, созидательную энергию.*

– Так я и поверил!

Понятия не имею, что за «козел», но интуиция подсказывает, что слово вполне можно использовать, как ругательное.

– Послушай, а что... – замолкаю, заметив, как проходящий мимо мужчина бросает на меня недоуменный взгляд.

– *Тей, использование вербальных команд вовсе не обязательно,* – мягко сообщает Нимфа, – *Доступно управление мыслеформами.*

– *А что ж ты раньше молчала?!* – на этот раз обращаюсь к собеседнице мысленно.

– *Раньше все было в порядке,* – чувствую, что это шутка, но уловить сути не могу.

Впрочем, умозрительное общение устраивает гораздо больше словесного – оно быстрее, точнее, да и гораздо конфиденциальней.

– *Прошу разрешение на подключение визуального интерфейса,* – вкрадчиво произносит Нимфа.

На секунду задумываюсь, а потом обреченно машу рукой.

– *Давай, чего уж...*

Миг – и мир вокруг расцветает! Словно я был слеп – и внезапно прозрел! Серость и однообразие сменяется плавными полутонами, блеклые краски наполняются силой, картинка обретает невиданную резкость и яркость.

– *Хроматический фильтр подключен...* – шепчет ИскИн, – *Активирую блокировщик спама...*

Добрую половину пестрых вывесок сметает с глаз долой.

Только что они мигали, как сумасшедшие, не давая сконцентрироваться; а теперь на месте мельтешащей кутерьмы – обычная чистая улица без следа надоедливой рекламы.

– *Включаю модуль дополненной реальности...*

Зрение мигает – и наполняется удивительной энергией. Я начинаю не просто *видеть*, но и *осознавать* суть вещей. Стоит взглянуться в дом, как в голове рождается знание о его типе, назначении, адресе. Смотрю на улицу – и понимаю, откуда и куда она идет, могу строить маршрут или отыскать нужное заведение. Видимые вывески разом становятся понятными, буквы сами собой складываются в слова, стрелки указывают пути следования, информация о любой фирме доступна по первому запросу. Мир не просто расцветает – он обретает объем, форму, становится *познаваемым*.

– Круто! – не удержавшись, произношу это в слух.

ИскИн молчит, не снисходя до ответа.

Пораженно оглядываюсь, впиваясь взором во все, до чего могу дотянуться. На мозг сваливаются невообразимые объемы информации, я даже не стараюсь просматривать данные, не говоря уже о том, чтобы пытаться их осмыслить. Просто наслаждаюсь внезапно открывшимся кладезем знаний.

Однако же, хоть я потихоньку и начинаю познавать окружающий мир, но мое место в нем до сих пор остается загадкой. Кто я? Где? И самое главное...

– *Что мне теперь делать?* – мысленный вопрос рожда-

ется произвольно, как результирующая сумма множества других.

Не уверен, имеет ли ИскИн чувство юмора, но сейчас я отчетливо слышу самодовольный смешок.

– *Вопрос не совсем корректен, Тея. Уточните: имеются ввиду текущие дела? Или же вас интересует смысл жизни?*

Конечно, меня интересуют сиюминутные занятия... Но этот наглый тон и явная насмешка в голосе подначивают к началу философского диспута.

– *Ну давай, арифмометр, – почему-то мне кажется, что данное обращение будет для Нимфы наиболее обидным, – Просвети: какова цель моего существования?*

– *Безусловно, каждый индивид склонен к собственным устремлениям и мечтам, – нисколько не смутившись отвечает ИскИн, – Но в то же время, если аппроксимировать и усреднить частные побуждения, то практически вся палитра желаний сводится к двум базовым линиям поведения: безусловное удовлетворение потребностей либо планомерный социальный рост.*

На языке упрямо вертится богомерзкое «че?», но я сдерживаюсь. Почему-то стыдно предстать перед интеллектуальной машиной полнейшим олухом.

– *Нимфа, а можно попроще? – уныло прошу я, – Что за удовлетворение?*

– *Безусловное удовлетворение потребностей индивида – один из базовых принципов Доктрины.*

– Но что он означает? Конкретно для меня...

– Например... Тей, вы хотите есть? – заботливо осведомляется ГОЛОС.

Прислушиваюсь к ощущениям в животе – ни малейшего намека на голод.

– Нет.

– Хорошо... Но, допустим, через два с половиной часа вы будете испытывать потребность в пище. В таком случае, утолить голод можно в любом пищевом блоке.

Перед глазами высвечивается карта ближайших окрестностей, где зелеными огоньками услужливо выделены объекты общепита. Сконцентрировав взор на мерцающей точке, получаю маршрут следования – оказывается, забегаловка находится буквально в двух шагах, через дорогу.

– А как... Что для этого нужно?

– Ничего, кроме желания. Приходите, выбираете нужную пищу, насыщаетесь.

– Бесплатно? – не знаю, откуда это ощущение, но внутри зреет уверенность, что за все так или иначе приходится платить.

– Именно. Бесплатно, безвозмездно, то есть даром!

– Т-а-а-а-к... – кажется, я начинаю немного понимать базовые принципы, – А если я захочу спать?

– К вашим услугам любой из спальных блоков.

План перед глазами меняется, подсвечивая многочисленные доступные ночлежки.

– А где я буду жить?

– Что значит – жить?

Озадаченно моргаю, стараясь вникнуть в суть собственного вопроса.

– Ну... Проводить время. Отдыхать. Складывать вещи. Мне ведь нужен какой-то свой угол?

– Спальные блоки доступны в любое время и на неограниченный срок.

– Но он будет не лично моим?

– Нет. Для вашего уровня социального развития частная собственность не предусмотрена.

Вот так. А поначалу все виделось таким радужным. Теперь же оказывается, что ограничений может быть гораздо больше, чем свобод.

– Почему – не предусмотрено? – теперь я самому себе кажусь десятилетним пацаном.

– Считается, что индивиды с низким социальным развитием не могут грамотно владеть и пользоваться хоть сколько-нибудь ценными предметами. Этим они наверняка нанесут вред как себе, так и обществу в целом. Дифференциация привилегий – второй базовый принцип Доктрины.

– Да что за доктрина такая?! – у меня получается мысленно возмущаться.

– Не доктрина, а Доктрина, – поясняет Нимфа со смехом в голосе, – Документ, включающий в себя основные принципы построения общества.

Со злостью оглядываюсь – хочется как-то выместить раздражение. Незнание закона не освобождает от ответственности, но в данный момент я слишком зол, чтобы придать значение этому факту. Смотрю на редких прохожих, на бесконечную улицу, уходящую вдаль настоящим ущельем с двумя скалами-домами по бокам. Нервно перекаत्याю слюну и сплевываю на идеально чистую поверхность дороги – похоже, это единственная форма протеста, на которую мне хватает смелости... и ума.

[Внимание! Обнаружено социально-деструктивное действие. Индекс социальной значимости понижен на 0.01]

С мрачным удовлетворением наблюдаю за красным предупреждением, возникшим перед глазами. В это время под ногами появляется непонятно откуда взявшийся робот-уборщик, похожий одновременно на спятивший пылесос и перевернутую тарелку. Деловито гудя, он тщательно очищает тротуар от органики. Спустя секунду передо мной вновь идеально чистая и стерильная поверхность, напоминающая твердую резину.

– *Где хоть почитать эту Доктрину?* – обреченно спрашиваю у Нимфы.

– *Нигде,* – она отвечает абсолютно нейтральным тоном, – *Любую информацию нужно заслужить.*

– *Дай отгадаю, это тоже базовый принцип Доктрины?* – ехидно замечаю я.

Ответом мне служит красноречивое молчание.

Все это время, пока длился весьма содержательный мысленный диалог, я все также стою возле дверей «роддома», не зная куда идти и что сделать в первую очередь. Наверное, общение с Нимфой могло бы продолжаться еще долго, но наш разговор прерывается самым очевидным способом.

Створка позади меня сдвигается в сторону с едва слышимым шорохом, я нервно отпрыгиваю, настороженно оборачиваясь. Из проема выходит красивая девушка в сопровождении все того же Тэда. Проводив подопечную, андроид отступает, дверь встает на место, издав характерное «пффф».

Девушка бегло оглядывает окрестности, а я не свожу с нее глаз.

Высокая, хотя для десятилетнего все кажутся великанами. Смуглая, с копной черных волос; миловидным, даже можно сказать нарочито смазливим лицом, на котором отчетливо выделяются огромные голубые глаза и полные чувственные губы. Изящные плечи переходят в осиную талию, она, в свою очередь, расширяется до округлых бедер, ну а те продолжают великолепными стройными ногами. Внешность – модельная; фигура – будто высеченная озабоченным скульптором: где нужно – тонко, где должно выпирать – выпирает! Даже, на мой взгляд, немного излишне... Особенно учитывая незамысловатый наряд, едва скрывающий наготу.

Одета смуглянка в подобие такой же робы, как и на мне, только большего размера. Принимая во внимание хорошо

заметные очертания торчащих грудей, можно сделать вывод, что выдачей нижнего белья сотрудники роддома не замораживаются. Об этом же говорит и собственный опыт: прохладный ветерок, залетая под нижний край одеяния, не особенно приятно холодит голые гениталии.

Между тем, стоило лишь сосредоточить взор на «возрожденной», как перед глазами услужливо возникает четкая надпись: «*Лола Давлетгельдинова, эpsilon-5+*». Имя и фамилию я распознаю сразу, а вот что означает окончание записки – пока что загадка. Веду взглядом по точеной фигуре девушки: напротив мелькают полупрозрачные цифры подсказок – рост, предполагаемый вес, объем груди, обхват талии, ширина бедер...

Слегка смутившись, поднимаю взор вверх, к лицу, заглядывая красотке в глаза. Она всматривается в меня внимательно, словно пытаюсь распознать нечто внутри головы. Через секунду на губах девушки появляется робкая улыбка.

– Привет! – произносит она, – Я Лола!

– Привет... Знаю... – бурчу в ответ и тут же краснею.

Стыдно за свой писклявый голос, да и за учиненный беспардонный осмотр.

– Знаю, что знаешь, – уже смелее улыбается Лола, – Но представляться все равно принято.

Спохватившись, называю себя. Девушка одобрительно кивает, переключая внимание на собственную внешность.

– Кстати, пялиться на других неприлично, – с усмешкой

замечает она.

Я пожимаю плечами с виноватым видом.

– Ничего, со временем научишься делать это незаметно, – смеется красотка.

Девушка прокручивается на месте, рассматривая свое тело с головы до пят. Проводит руками по груди, ощупывает плоский животик, удовлетворенно хлопает по упругим ягодицам.

– А ничего, да? – кокетливо вопрошает она, – Неплохая конфигурация. Жаль только на волосы праны не хватило...

– Ага, – я соглашаюсь, хотя, как по мне, с волосами у Лолы все в порядке: умеренной длины и густоты, наполненного черного цвета.

Ну и все остальное, если честно, выше всяких похвал.

Вновь взглянув на меня, девушка бегло пробегает взором по детскому тельцу.

– Ты ведь склеротик? – невинно вопрошает она.

[Склеротики – сленговое название индивидов, лишившихся воспоминаний о прошлых жизнях в результате перерождения. Подобные личности появляются, как результат недостаточного количества праны, либо ее специфического использования.]

Подсказка возникает перед глазами прежде, чем я успеваю признаться в собственном невежестве.

– А... Видимо, да, – вынужденно соглашаюсь, – Так заметно?

– Еще бы! – кивает она, – Во-первых, постоянно зависаешь с потерянным видом, когда общаешься с Нимфой. А во-вторых... Уж больно видок у тебя непрезентабельный.

Насупливаюсь. Не то чтобы Лола так уж меня задела, да и тайны большой не открыла, но я делаю немного обиженный вид. Девушка легко и непринужденно усмехается.

– Не переживай! – успокаивает она, – Постепенно привыкнешь. Просматривать сообщения нейросети можно вообще на фоне, не отвлекаясь от дел. Да и внешность – дело поправимое. В конце концов – вырастешь!

Я делаю озабоченное лицо и задаю вопрос, дурацкий и одновременно – принципиальный.

– А Нимфа – есть у всех?

Лола удивляется. Лола хмурится. Лола смотрит на меня, как на больного.

– Ну конечно! – возмущенно вскрикивает она, – Что за чушь ты городишь? Разве можно жить без нейросети?

Виновато развожу руками, хотя никакой вины не ощущаю. Я вот до сих пор не знал: можно или нет, потому и спросил. Каким же еще образом мне вернуть хоть часть воспоминаний о мире, если не задавать сотни глупых, по моему мнению прочих, вопросов?

– Ты ведь не из плесени? – испуганно осведомляется Лола, на время прекращая свои кривляния.

[Плесень, флора, эпикурейцы – индивиды, стремящиеся только к безусловному удовлетворению собственных по-

требностей, жаждущие лишь удовольствий и отсутствия страданий. Характерной чертой является нарочитое игнорирование требований общества, бесконечное перерождение, рано или поздно приводящее их к самым низовым подвидам классов.]

Честно говоря, эта подсказка не многое проясняет. Какие требования? Какие подвиды? Какие классы? И опять – прежде, чем успеваю ответить, вмешивается Нимфа.

– *Тей, разрешите совет,* – мысленно произносит ИскИн, – *Вербально-мимический анализ показывает, что в случае положительного ответа девушка немедленно прервет сеанс общения с вероятностью в девяносто восемь процентов.*

Вот так. И действительно – разве для машины сложно оценить жесты, интонации, выражения лица... Сопоставить, сверить со статистикой. Психология, лингвистика, НЛП, что там еще? Получается, выбор у меня простой, а вернее и вообще его нет.

– Нет! Я точно не из плесени! – произношу как можно увереннее.

Не знаю, откуда во мне такая убежденность, но простое удовлетворение потребностей... заманчиво, конечно, но, думаю, надоедает очень быстро.

– Ну-ну... – задумчиво мычит красотка, сохраняя крайне настороженный вид, – Пошли уж, новорожденный...

– Куда? – вопрошаю уже на ходу.

– Известно куда, – машет рукой девушка, – Прибарахлим-

ся. А потом и перекусить не помешает!

Глава №3

Машинально иду вслед за Лолой, стараясь не слишком сильно пялиться на виляющий зад. Мы пересекаем проспект и углубляемся в прямую кишку улицы, кажущейся бесконечной. Я с интересом смотрю по сторонам: однотонные стены, покрытые светопоглощающей плиткой, уходят отвесно вверх; провалы окон появляются на высоте пятого этажа, а до той поры практически все пространство увешано рекламными указателями. Множество крылечек, подъездов и дверей следуют одно за другим, заманчиво помигивая привлекательной иллюминацией.

«Интересно, если я так вижу с включенным спам-фильтром, – думаю я, – То каково без него? Наверное, можно с ума сойти...»

– *Желаете усилить уровень фильтрации?* – как нельзя более кстати интересуется Нимфа.

– *Пожалуй...* – соглашаюсь я.

Зрение мимолетно моргает, мир обретает новые краски, количество рекламных слоганов тает в разы, однако их количество все равно поражает взор.

– *А почему нельзя убрать полностью?*

– *Данная возможность недоступна вашему социальному классу, – печально сообщает ИскИн.*

Вопрос вертится на языке, но пока что сдерживаюсь. Гораздо больше интересует полупрозрачная линия, указывающая направление движения. Стоит сконцентрировать взор, как подсвечивается дополнительная информация:

[Вероятный маршрут следования: ближайший универсальный арсенал одежды. Расстояние до цели: 120 м. Расчетное время в пути: 3 мин.]

Скашиваю глаза на Лолу: девушка шагает, практически не отклоняясь от предложенной мне траектории. По всей видимости, наши нейросети не слишком-то отличаются.

Мы достигаем цели немного быстрее, чем за предсказанные три минуты. Красотка идет быстро, целенаправленно, размашистым бодрым шагом; мне, с короткими детскими ногами, приходится поспевать вприпрыжку. Впрочем, искомый арсенал настолько близко, что я не успеваю даже запыхаться.

Дверь открывается, пропуская нас внутрь объемного зала, занятого целыми лабиринтами стеллажей. Желтоватый свет льется со всех сторон – с потолка, со стен, от пола – создавая слегка потустороннее ощущение. Над полками замечаю указатели, информирующие о видах разложенной одежды и ее размерах. Воздух внутри на удивление свежий, пахнет чистотой, тканью и немного – какой-то приятной зеленью.

Недолго думая, Лола подходит к вместительному хранилищу, расположившемуся прямо напротив двери. Нимало не стесняясь, девушка стаскивает робу через голову, оставаясь

абсолютно голой. Нагота ничуть ее не смущает, напротив – Лола словно вовсе не замечает моих округлившихся глаз. Она бросает ненужную тряпку в хранилище, а после удаляется, покачивая смуглыми ягодицами.

Провожая взглядом соблазнительное тело, ненадолго задумываюсь.

– *Это нормально – разгуливать голышом?* – спрашиваю у Нимфы.

– *В современном обществе нагота не является фетишем, ровно как и табуированной темой, — с готовностью информирует ИскИн, — Ношение одежды мотивировано удобством, необходимостью терморегуляции и, конечно, эстетическими соображениями.*

Тяжко вздыхаю, чувствуя себя законченным придурком. Сколько еще таких «самоочевидных» вещей мне предстоит узнать? Хорошо хоть есть виртуальный наставник, готовый в любой момент просветить глупца, исправить оплошность или предостеречь от ошибки.

– *А секс?* – вопрос звучит максимально глупо, как и все мои вопросы, – *Что насчет безусловного удовлетворения?*

– *Тей, вы испытываете потребность в сексуальных контактах?* – тут же уточняет Нимфа.

– *Вроде бы нет...* – чувствую легкое расстройство.

Какие могут быть сексуальные потребности у десятилетнего? Разве что виртуальные...

– *Если желаете, я могу найти подходящего партнера, —*

предлагает ИскИн.

– А это ничего, что я в теле ребенка?

– На физический возраст не налагается никаких ограничений. Множество индивидов обоих полов предпочитают юных партнеров.

Стаскиваю робу, отправляя ее, по примеру Лолы, в хранилище рванья. Смотрю на себя: худощавое тело без намека на жир. На мышцы, впрочем, тоже ничто не указывает.

– Думаю, пока не нужно, – философски морщусь, оправдываясь перед машиной, – Но, если что, непременно обращусь.

Бреду между полок, рассеянно рассматривая образцы одежды. Без особого труда нахожу целую плеяду стеллажей с подходящими мне по размеру тряпками. И теперь уже с удивлением замечаю, что все они максимум двух цветов: смесь серого с грязно-белым. Неужели носить разноцветную одежду запрещено? Трогаю близлежащую кофту – на ощупь не особо приятная вещица. Представляю, как она будет сидеть на голом теле и невольно морщусь.

Взгляд пробегает чуть дальше: там, через бесплотную, но визуально заметную границу, продолжается зала с немного иной компоновкой. Разглядываю и чуть более веселые цвета, и некое разнообразие стиля и ткани. Радостно шагаю в направлении обнаруженных чудес, но меня тут же осаживает внутренний голос.

– Тей, обращаю ваше внимание, что в данном момент вы

можете использовать лишь одежду, расположенную в первом секторе арсенала.

– Как это? – я искренне удивлен, – Почему?

– Второй сектор доступен, начиная с третьей ступени эпсилон, а у вас только лишь вторая.

– Ничего не понимаю, – мысленно развожу руками, – А как получить эту самую третью ступень?

– Для этого нужно совершать социально значимые поступки, – терпеливо поясняет Нимфа, – Ваш индекс социальной значимости будет расти, а после достижения необходимой отметки – вы шагнете на следующую ступень класса.

Чувствую, как голова закипает, разбираться во всей этой иерархии уже просто нет сил.

– Ну а что, если я таки заберу что-нибудь из второго сектора? – упрямо вопрошаю я, подходя к полкам с заветной одеждой.

– Я вынуждена буду сообщить о правонарушении, – с прискорбием замечает ИскИн, – Затем в дело вступает Немезида.

– Меня накажут?

– Да, Тей. Смею уверить, последствия вам не понравятся, – звучит это крайне расплывчато и в то же время угрожающе.

Обозлившись, возвращаюсь в свой сектор. Обвожу взором серо-белые горы тряпья, внутри зарождается чувство противоречия. Из вредности выбираю вещи, наиболее под-

черкивающие инфантильную стилистику: короткие шорты, глупую майку, широкую кофту с капюшоном и множеством карманов. Наличие последних кажется, почему то, очень важным. Долго выбираю обувь: поначалу примерился к резиновым шлепанцам, но из соображений удобства все же нацепил что-то вроде высоких кед. Вдруг придется быстро бегать?

Натянув новые шмотки, отправляюсь напрямиком к выходу. Лолы еще не видно, и в ожидании спутницы я немного верчусь перед зеркалом. Результат довольно удручающий: в отражении на меня смотрит натуральный шкет-школьник, да еще облаченный в нелепую одежонку дурацких серых цветов.

[Внимание! Вы совершили социально-полезное действие. Выбор чистой одежды и опрятный внешний вид. Индекс социальной значимости повышен на 0.01]

Индекс. Повышен. Полезное действие. По отдельности вроде бы все понятно, но итоговая фраза так и остается бесполезной мишурой.

– Эй, это что теперь, каждый мой вдох будет сопровождаться подобным комментарием? – я рассержен и недоволен.

– Если желаете, малозначительные сообщения можно отключить, – предлагает Нимфа.

– Согласен! Уведомляй только о важном.

Спустя несколько минут из лабиринта стеллажей выби-

рается девушка, и я поражаюсь, насколько здорово на ней сидит обычный блеклый спортивный костюм. Казалось бы – ничего особенного нет ни в штанах свободного покроя; ни в тесной блузке, облепившей девичий торс; ни, тем более, в короткой курточке, что Лола держит в руках. Однако же, красotka явно преобразилась: точеная фигура проступает сквозь ткань волнующими изгибами, незамысловатый стиль одежды лишь подчеркивает хорошо заметные объемы.

– Отлично выглядишь, – делаю неумелый комплимент, ощущая легкое возбуждение.

Может быть, тело мальчика не так уж безнадежно?

Лола кивает с благодарной улыбкой, мы выходим на улицу рука об руку.

Как и прежде, девушка уверенно направляется вперед, я догоняю, стараясь определиться с маршрутом. Очевидно, мы следуем ранее озвученному плану: посетить один из пищевых блоков. Я не успеваю отыскать ближайший на карте, поскольку он оказывается в шаговой доступности – достаточно лишь перейти на другую сторону дороги.

Внутри вижу длинную череду столиков, частично занятых посетителями. Вдоль стены тянется не менее протяженная цепь экранов, где можно сделать заказ. Мы подходим к приветственно помаргивающим аппаратам, занимаем соседние места.

Стараюсь разнообразить выбор, но очень быстро замечаю, что меню крайне ограничено. Как и в случае с одеждой, диа-

пазон блюд, доступных для второй ступени эpsilon, весьма скуден. По сути, я могу взять лишь несколько видов цветной кашицы; в дополнение идут целых два напитка: вода и при-торно-зеленый компот.

Вот тебе и безусловное удовлетворение потребностей. С одной стороны – да, все бесплатно, бери и ешь, сколько хочешь. С другой – находясь на дне социальной лестницы, можно рассчитывать лишь на самые примитивные образцы предоставляемых благ.

Делаю заказ, и почти сразу внизу от экрана открывается ниша, откуда медленно выезжает поднос с требуемыми блюдами. Дымящаяся тарелка сине-красной бурды и стакан с зеленым напитком. Кошу глаза – Лола выбрала почти то же самое, только в два раза больше и, соответственно, разных цветов.

Мы отходим подальше от экранов, садимся за небольшой свободный столик. Взяв ложку, настороженно тыкаю в слизистое желе, расплзающееся по тарелке. Выглядит оно довольно отвратно, хотя запах не так уж плох. Лола уплетает за обе щеки; я, наконец, отваживаюсь последовать ее примеру. Отправляю порцию каши в рот, морщусь – горячо! А на вкус вполне себе ничего, по крайней мере съедобно.

Берусь за стакан с зеленой жидкостью – напиток, оказывается, кисловатый и хорошо освежает, тонизирует работу мозга. Во всяком случае, в голове заметно проясняется.

Проглатываю очередную дозу желе и решаю приступить к

расспросам.

– Лола, а что за «индекс социальной значимости»? Куда не глянь, везде он нужен.

Едва не поперхнувшись, девушка глядит на меня с явным недоумением. Лишь спустя секунду в глазах красотки появляется понимание.

– Все время забываю, что ты склеротик, – ворчит она, пережевывая еду, – Такие вещи спрашиваешь... базовые! Даже не знаю, как и объяснить...

Пригубив компот, Лола растерянно берется за разъяснения.

– Индекс социальной значимости... Чаще его называют сокращенно «ИСЗ» или просто Индекс... Чтобы отличать от других. Это, как бы, суммарная мера твоих достижений. Как рассчитывается – не спрашивай, очень уж там хитрая формула. Для тебя пока важно усвоить одно: чем выше Индекс, тем больше у тебя возможностей и привилегий.

– Тем больше я человек...

– Можно сказать и так, – она кивает, хотя явно не до конца понимает аллегорию, – Именно поэтому нужно стремиться увеличивать Индекс всеми доступными способами!

Пережевываю порцию каши, добавляя новые фрагменты в копилку знаний.

– Ты упомянула о том, что есть и другие индексы?

– Конечно! Их целый миллион! – девушка потешно морщит нос, – Для того и есть СИЛа!

– Сила?

– Нет! СИЛа! Система Индексов Личности, – красотка растеряно крутит головой, – Как бы тебе... А! Попроси Нимфу вывести отчет!

Киваю и немного сосредотачиваюсь.

– *Нимфа, отчет по СИЛе!*

– *Конечно, Тей...*

[Индивид: Тей Козловский;

Индекс Здоровья: 1,

Индекс Физического Развития: 1,

Экономический Коэффициент: 1,

Коэффициент Интеллекта: 1.5,

Коэффициент Адаптивности: 1.1,

Индекс Духовного Развития: 1]

От увиденного глаза немного разбегаются, но это лишь начало. Стоит мне бросить взор на первую строчку, как Индекс Здоровья разделяется на подкатегории: Болезни, Медосмотры, Аллергии, Сопrotивляемость, Приспосабливаемость, Состояние организма. Каждую из них удастся разложить на дальнейшие подпункты, вплоть до состояния ногтя на мизинце левой ноги... Так же и любой другой индекс распадается на множество составляющих: Физическое Развитие состоит из Силы, Ловкости, Выносливости; Интеллект – Кругозор, Знания, Достижения, Исследования...

Кажется, всевозможным навыкам, индексам и параметрам нет ни конца, ни края! И цифры – везде куча цифр, озна-

чающих уровень развития того или иного аспекта личности. Каждый мой шаг, каждый волосок взвешен, обмерен, занесен в цифровой протокол и выведен в общий отчет. Страшно! Но и, одновременно, интересно!

На какое-то время я выпадаю из реальности, углубившись в созерцание собственных параметров. Не тешу себя надеждой сразу во всем разобраться, но хоть чуть-чуть понять структуру данных удастся. Единственное, что не ясно – где предел развития?

– Лола, а вот эти цифры – это много или мало? – спрашиваю осторожно, чтобы не смущать спутницу, – Есть какая-то верхняя граница?

Девушка грустно качает головой.

– Мы с тобой на самом низу социальной пирамиды, – печально морщится она, – Хуже нас только всякие ущербные... физически или морально.

Поднявшись, красотка собирает пустые тарелки – и свои, и оставшиеся от моей трапезы. Я не свожу с нее взгляда, девушка чуть смущенно пожимает плечами.

– Социально-полезный поступок, – поясняет Лола, – Крошечная, а прибавка...

Она уносит посуду к специальной нише в стене, а я в очередной раз задумываюсь. Что же это получается: любой мой чих может быть оценен как полезное, либо как вредное действие? И за все мне придется нести персональную ответственность? Вот уж радость-то привалила... А нужна ли та-

кая свобода?

Подождав девушку, я шагаю на улицу. Мы молчим и неторопливо идем по дороге, немного погрузневшие и осоловевшие от еды.

Спустя пару минут по правую руку показывается небольшая площадь, на удивление равномерно заполненная разнообразными людьми всевозможных возрастов и обликов.

На первый взгляд – абсолютно разнородная толпа, где каждый индивид не только не связан с другими, но еще и пытается держаться несколько обособлено. Кого тут только нет: множество юных персонажей, по строению тела совпадающие с моим десятилетним организмом; мужчины и женщины, одетые, как на подбор, индифферентно, так что сложно отличить одних от других; несколько оригиналов, щеголяющих почти голышом.

И все же, кое-что объединяет этот сброд: серость, безликая и тупая безвкусица, абсолютно обескураживающая на фоне их бесплодных попыток выделиться.

– Что здесь за собрание? – шёпотом интересуюсь у Лолы.

– Вот там, на другом конце, – она указующе машет ладонью, – Транспортная станция.

– Тоже бесплатная?

– Конечно, – кивает красотка, – Только нам запрещено покидать пределы текущего сектора...

Остается только хмыкнуть: чего-то подобного я ожидал.

В этом мире, оказывается, все дается даром, но с поистине драконовскими ограничениями.

– А сектор – это много? – уточняю я.

– Ну... – девушка недоуменно оглядывается, – Сколько мы с тобой прошли? Домов пять... Они примерно составляют блок.

– Что еще за блок?

– Блок домов! – нетерпеливо фыркает она, – Сто блоков объединяются в квадрат. Из квадратов складываются сегменты. А множество сегментов образуют сектор! Вот и считай, много это или нет...

– Получается прилично, – пытаюсь мысленно охватить такую прорву строений, – А есть что-то и больше секторов?

– Всегда есть что-то больше, – красotka явно не желает развивать эту тему, – Из секторов состоит круг; круги образуют систему; а потом...

Она внезапно замолкает, остановившись на полуслове. Я удивленно смотрю на застывшее лицо, поворачиваюсь, стараясь проследить направление оторопевшего взгляда. И сразу вижу причину, побудившую половину собравшейся толпы восторженно выдохнуть. Ибо не заметить ее невозможно.

Из дверей транспортной станции выходит женщина. Да не просто женщина – богиня! Если Лолу можно назвать красоткой и сексуальной дамочкой, то эта... Она прекрасна в истинном значении красоты. Фигура, словно вылепленная с учетом всех требований гармонии и правильности пропор-

ций; идеальные выпуклости, потрясающие воображение, но не выходящие за рамки приличий; невероятно милое притягательное лицо, по которому можно преподавать анатомию чуда; очаровательная прическа, изящная походка – все в незнакомке вплотную приближалось к недостижимому идеалу!

Одежда богини поражает! Здесь нет и намека на серые робы, что служат безликой толпе для прикрытия срама. Женщина одета с иголки – разнообразно, стильно, ярко! Великолепный наряд изумительно подчеркивает и без того неземную красоту, позволяя взгляду вдоволь насладиться изгибами вечно юного тела.

Смотрю на незнакомку, разинув рот. Она спокойно спускается с крыльца, с полным осознанием собственной значимости и величия. Готов поклясться, что, помимо богоподобной внешности, вокруг женщины и на физическом уровне расходится невидимая аура сексапильности, разлетаются в воздухе флюиды желания и страсти. Пожалуй, перед такой красотой не устоять никому! Мужчины должны бы штабелями падать у ног незнакомки... Да и не только мужчины!

Но ничего подобного нет и в помине. Толпа судорожно, можно даже сказать – слегка панически – расступается перед женщиной, образуя широкий людской коридор. И не удивительно: кроме ангельской прелести в незнакомке чувствуется и дьявольская сила! Пусть она не может похвастаться объемами мышц, но в каждом шаге, в каждом покачивании

рук, неуловимом движении ладоней, чуть заметном прищурении глаз – во всем ощущается нестигаемая воля и поразительная мощь! Мощь и красота, подобные достоинствам античных богинь!

Невольный холодок пробегает по позвоночнику, волосы на голове встают дыбом; я дрожу от внезапного чувства собственной незначительности на фоне несокрушимой силы. Чувствую себя пустым местом, букашкой, ничтожеством по сравнению с невероятной незнакомкой. Да что там я! – богиня может раскатать в тонкий блин всю эту толпу, даже не вспотев!

И все же, откуда-то изнутри приходит ощущение сопричастности. словно и я достоин подобного величия! Больше того – будто я был таким же, и даже лучше, совсем недавно! Появляется твердая уверенность: незнакомка и я – одного поля ягоды!

Не обращая никакого внимания на восхищенные перешептывания и вожделенные взгляды, женщина уверенно пересекает площадь. Люди буквально разбегаются с ее пути, толпа подобострастно расступается, не осмеливаясь приблизиться к богине. И только я, презрев все доводы разума, шагаю навстречу.

Слышу предостерегающие оклики, перед глазами мелькают окрашенные тревогой сообщения Нимфы – игнорирую все! Упрямо делаю еще два шага напрямик в образовавшийся людской коридор. Всеми фибрами ощущаю невероятную

по силе ауру незнакомки – смесь оглушающей красоты и уничтожительной мощи, буквально раздирающей воздух. И с трудом, пересиливая навалившуюся оторопь, открываю рот, кое-как извлекаю из гортани робкие звуки.

– Здравствуйте! Разрешите...

Не успеваю договорить.

В меня словно на бешеной скорости врезается стальная плита, ужасающим ударом отбрасывая хлипкое тело далеко назад. Сердце замирает, воздух с шумом выходит из легких, зрение отказывает, сознание гаснет еще в полете. Вспышка запредельной боли пронзает мозг, и он послушно отключается, отправляя перегруженный разум в небытие.

Глава №4

Сознание возвращается неспешно, постепенно, рывками; я будто всплываю из-под воды, медленно возносясь к воздушной кромке реальности. Глаза открываются, но не могут ничего лицезреть: перед взором лишь светлое пятно да расплывчатые серые силуэты. В ушах стук, непрерывное бульканье и шум, напоминающий чье-то рассерженное шипение. Мысли бьются, зажатые в тисках боли: невозможно думать о чем бы то ни было конкретном, но главное – я жив!

Проходит, должно быть, несколько минут, прежде чем шок отступает. Молодой здоровый организм берет свое, недуг истаивает. Сначала возвращается слух – с громким хлопком шум и гул испаряются, на уши обрушиваются обычные звуки людной площади.

Слышу чьи-то далекие голоса, слышу мягкий стук шагов и еще – чье-то встревоженное дыхание рядом. Внезапно возвращаются тактильные ощущения, и я чувствую, как меня трясут, стараясь привести в чувства.

С превеликим трудом удастся сфокусировать зрение. Свет перестает слепить; тени уходят, сменяясь человеческими силуэтами. Теперь я вижу прохожих, обывателей и зевак, столпившихся поодаль. А прямо надо мной склонилась Лола, заноса ладонь для очередной пощечины. И судя по тому,

как болит лицо, количество полученных оплеух явно перевалило за десяток.

Издаю какой-то звук и сдержанно улыбаюсь девушке. Она успевает остановить удар, и теперь смотрит на меня встревоженно и с заметной опаской. Красотка стоит на коленях, изогнувшись дугой; спортивный костюм облегает ее великолепное тело; мой взгляд невольно останавливается на внушительных округлостях, нависающих над лицом.

– Что это было? – произношу с трудом, – На меня будто бетонная плита упала...

Девушка вздрагивает, разом отшатнувшись назад; лицо Лолы бледнеет, глаза глядят испуганно и подавленно. Она мигом отстраняется, будто я заразный, смешно мельтешит назад на четвереньках, и лишь существенно разорвав дистанцию, поднимается на ноги.

– Эй, Лола, погоди! – я приподнимаюсь на локтях, все еще чувствуя ощутимую слабость.

Но красотка даже не думает задерживаться. Кинув на прощанье чуть виноватый и заметно испуганный взгляд, девушка поворачивается спиной.

– Стой! Лола! – мой писклявый голос похож на завывание мартовской кошки, – Лола!

Она не оборачивается, идет прочь быстрой целеустремленной походкой. Несколько мгновений спустя стройный силуэт теряется среди десятков серых фигур, стоящих и бредущих сквозь площадь. Теперь уже никто не обращает на меня

внимания, люди даже как будто бы стараются обходить стороной ребенка, разлегшегося на дороге.

– Да что за дела... – шепчу расстроено и растерянно, – Что происходит?

Не то чтобы я к ней слишком привязался, но все же – в огромном совершенно незнакомом мире Лола оказалась первой, с кем меня свела судьба. И вот – такое нелепое беспричинное расставание. Она словно боялась остаться рядом...

Кое-как сгруппировавшись, умудряюсь принять сидячее положение. Оглядываюсь вокруг – те же дома, та же толпа, здание транспортной станции на другом конце площади. Люди проходят мимо, стараясь не задерживаться, а бросив на меня беглый взгляд – брезгливо морщатся.

– *Тей, вы совершили серьезное социально-деструктивное действие!* – голос, внезапно раздавшийся в голове, заставляет вздрогнуть, – *Сожалею, но ваш социальный статус понижен.*

Мда... А я уже успел позабыть про Нимфу. Впрочем, может, хоть она сумеет что-то прояснить.

– Да что такого... – начинаю говорить вслух, лишь в процессе вспоминая, что достаточно мысленных команд, – *Да что же я такого страшного натворил-то?*

– *Согласно Доктрине, представителям низших классов запрещено обращаться к индивидам высших, пока те сами и в явном виде не выразят на то согласия.*

– Значит, все из-за того, что я заговорил с той дамочкой? – ошалело качаю головой.

Ответом мне служит многозначительное молчание. Думаю, если бы ИскИн мог обиженно сопеть, то именно сейчас он бы это сделал. Из чего следует закономерный вывод – я в очередной раз сморозил какую-то глупость.

– Что же получается, – ворчу я, стараясь встать на ноги, – Даже разговаривать нельзя?

– Считается, что личности низших классов не могут сообщить более продвинутым индивидам ничего ценного, а потому их речь признается деструктивной, – строго сообщила Нимфа, – Слишком большая разница в социальном развитии.

– А из какого класса была та... тот... индивид?

– Вообще-то разглашать подобную информацию не принято, – в голосе собеседницы звучит насмешка, – Но в данном случае я признаю вмешательство правомерным... Это пойдет вам на пользу, Тей. Возможно, вы станете лучше ориентироваться в окружающем мире... Не далее часа назад вы имели честь лицезреть представителя социального класса «бета»!

– А сам я...

[Тей Козловский, эpsilon-1–]

Подсказка появляется перед глазами, хоть и не многое проясняет. Пытаюсь вникнуть в содержимое.

– Это значит... Класс «эpsilon», первая ступень?

– Именно.

– А что за два минуса?

– Знак того, что вы стремительно скатились на самое дно социальной лестницы.

Буркнув что-то вроде «подумаешь!», наконец, занимаю устойчивое положение на нижних конечностях. Меня покачивает, ноги дрожат, в голове до сих пор сумбур. Мысли постепенно укладывают новые знания в закрома памяти. В мозгу возникают буквы древнего алфавита: «бета», «гамма», «дельта», «эпсилон»... Значит, та женщина была всего лишь на три класса выше? А мне показалось, что на землю спустилась богиня...

– погоди! – восклицание вырывается в полный голос, пара прохожих недовольно оборачиваются, – *Если это была «бета», то как же выглядит «альфа»?*

– Боюсь, пока вам не дано этого постичь, – скорбно констатирует ИскИн, – *Если бы на площадь явился индивид класса «альфа», толпа билась бы в экстазе... Или в конвульсиях. По настроению прибывшего.*

Сделав неуверенный шаг, несколько секунд отдыхаю. Вдох, выдох – и я осмеливаюсь на еще одно движение. С трудом проковыляв по улице, останавливаюсь, опершись о стену ближайшего здания. Даже такое невеликое усилие далось весьма тяжело – дыхание сбилось, роба взмокла от пота, ноги чуть ли не разъезжаются. Да уж, дорого обошлась встреча с богоподобной «бетой».

– *Нимфа, неужто из-за пары слов тут принято набрасываться с подобной яростью?* – спрашиваю про себя, размеренно восстанавливая силы, – *Еще бы чуть, и я не выжил!*

– *Тей, уверяю, вас никто и не думал атаковать,* – с сочувствием отвечает ИскИн, – *Всего лишь сработали естественные защитные контуры продвинутого тела... Боюсь, почтенная бета даже не ощутила вашего присутствия...*

– *Как это, не ощутила?* – поражаюсь вполне искренне, – *Разве можно задавить человека до полусмерти и не заметить?*

– *Ну...* – готов поклясться, что голос Нимфы звучит смущенно, – *Вы вот, например, не чувствуете пылинок у себя под ногами. Здесь то же самое...*

Мне не нравится сравнение с пылинкой. Мне не нравится ощущение полной беспомощности. Вообще, чем дальше, тем больше не по нутру окружающая Система. Но поделаться с этим я ничего не могу. Пока что... Остается лишь раздраженно сопеть, да сделать в уме очередную зарубку на память.

Усилием мысли вызываю перед глазами карту, зеленая точка услужливо подсвечивает расположение ближайшего спального блока, мерцающий курсив показывает направление движения. С ужасом осознаю, что идти придется почти сотню метров – а по моим ощущениям сил не хватит даже половину этого расстояния.

Тяжело вздохнув, отрываюсь от стены. Первые шаги да-

ются с трудом, однако дальше, к моему удивлению, передвигаться становится все легче. Жизнь будто бы возвращается в разбитое тело, шагать все легче, силы не убывают, а напротив – восстанавливаются. Подходя к концу маршрута, осознаю, что походка стала вполне уверенной, дрожь в ногах испарилась, мир потихоньку приобретает обычные резкие очертания. И все же, я принимаю четкое осознанное решение – нужен отдых. Тем более, очень хочется посмотреть, как же тут все устроено.

Захожу в не слишком просторное фойе, где из мебели – ничего, лишь с потолка свисает нечто среднее между уродливой люстрой и попыткой замаскировать доисторическую видеокамеру. В противоположной от входа стене слегка выделяются три двери, при моем появлении открывается та, что в середине.

Пройдя внутрь, окидываю взглядом лифт. По размерам он почти не уступает предыдущей комнате; судя по количеству кнопок – может поднять вплоть до тридцатого этажа. Внутри идеально чисто, хотя никаких излишеств нет и в помине. Обычная стальная коробочка, служащая для быстрого перемещения в вертикальной плоскости.

Задумавшись на секунду, нажимаю последнюю кнопку – хочется оказаться повыше, окинуть город взглядом с верхних этажей. В ответ слышится гневный гудок, на табло рассерженно мигает красный индикатор. Повторяю нажатие – с тем же эффектом.

– *Тей, к сожалению, ваш социальный статус не позволяет подниматься выше второго этажа,* – подсказывает Нимфа раздражающе спокойным голосом.

Сдержав желание сплюнуть, тыкаю в цифру «два», хотя с тем же успехом можно было бы остаться и на первом. Мимолетное покачивание – и двери раскрываются, предлагая покинуть помещение. Выхожу, раздраженно пиная створку ногой. Лифт и я – мы оба остались друг о друге крайне невысокого мнения.

Передо мной коридор, уходящий вдаль насколько хватает глаз. Я даже не вполне уверен, есть ли у него конец, или эта широкая кишка так и тянется сквозь весь блок домов. Через равные промежутки замечаю небольшие ответвления; там располагаются промежуточные площадки, на одной из которых я как раз и нахожусь.

Неяркое освещение струится с тонкой полоски на потолке. По стенам двумя рядами горят гирлянды индикаторов: примерно пополам зеленые и красные. Поначалу я не осознаю, что именно передо мной, настолько это необычное и пугающее зрелище. Лишь несколько секунд спустя до сознания доходит тот факт, что стены здесь представляют собой непрерывную череду из капсульных дверей, расположенных в два яруса: верхний и нижний; а зеленые и красные огоньки – не более, чем указатели, расположенные четко в центре створки.

– *Тей, выбирайте любую спальню с зеленым индикато-*

ром, – раздражающе заботливым тоном руководит ИскИн, – Красный цвет означает, что капсула занята.

Киваю, хотя не вполне уверен, может ли нейросеть распознать мои жесты. В принципе, я уже и сам понял, что зеленый – хорошо, а красный – не очень. Иду вдоль по коридору, рассматривая однообразные ряды квадратных створок. На удивление, здесь не слишком многолюдно: встретила всего парочка постояльцев, скользнувших мимо меня с настороженным видом.

– Почему все шарахаются прочь? – мысленно недоумеваю, – Я что, как-то не так выгляжу?

– Дело в том, что существует расхожее суждение, будто бы общаться и даже просто находиться рядом с индивидами низшей социальной группы – плохой признак, якобы ведущий к ухудшению собственного статуса.

– А на самом деле это не так?

– Не могу ни подтвердить, ни опровергнуть; это закрытая информация. Равно как и все, что касается алгоритмов работы Системы.

Останавливаюсь посреди коридора, оглядываюсь: и в ту, и в другую сторону уходят ряды кабинок, кажущиеся бесчисленными. Гирлянды двуцветных индикаторов сливаются в перемигивающиеся полосы. Не знаю почему, но мне становится не по себе.

Ладонь притрагивается к ближайшей свободной кабине, дверь сразу же открывается, демонстрируя внутренности

капсулы. С любопытством гляжу на индивидуальное спальное место.

Передо мной комнатка метр на метр в поперечнике и чуть больше двух в длину. На полу – лежак, заправленный белоснежно чистым постельным бельем, стены и потолок – идеально ровные, без намека на какие-либо удобства и дополнительные приспособления. По сути, здесь можно только лежать и спать. Даже сесть не получится: высоты помещения явно недостаточно.

– *Туалет и душ – в конце коридора, на лестничной площадке,* – поясняет Нимфа, прежде чем я успеваю задать назревающий вопрос.

Устало вздохнув, заползаю внутрь. Хотя бы для этой операции предусмотрены все удобства: дополнительные держатели и поручни, две ступени на разной высоте, несколько крутящихся валиков, позволивших комфортно «въехать» в капсулу. Едва успеваю разместиться, как дверь сама собой закрывается, отрезая остальной мир напрочь. Теперь в моем распоряжении два кубических метра пространства, а снаружи не долетает ни звука, ни отсвета. Почему-то возникает аналогия с просторным уютным гробом.

Поерзав на лежаке, кое-как принимаю удобную позу. Организму нужен отдых, но несмотря на это, сон упрямо сторонится взбудораженного мозга. Одна за другой лезут мысли и воспоминания: из головы не идет встреченная богиня, да и красавица Лола, если уж быть честным, так и маячит перед

глазами.

– *Тей, вам требуется помощь со сном?* – заботливо осведомляется ИскИн.

– *А что, есть снотворное?* – я не слишком-то доволен вмешательству в думы.

– *Конечно, нет!* – притворно возмущается Нимфа, – *Зачем нужны препараты, если можно напрямую воздействовать на клетки мозга?*

Хм... действительно! Этот вариант мне почему-то в голову не приходил.

– *И как это работает?* – вопрошаю с внезапным любопытством.

– *Очень просто,* – оттенки снисходительности в голосе ИскИна начинают раздражать, – *Сколько вы хотите проспать?*

– *Ну, думаю пары часов будет вполне достаточно...*

Еще не закончив фразу, ощущаю внезапно накатившую сонливость. Мысли мгновенно замедляются, тело расслабляется, глаза закрываются сами собой. Сознание погружается в сон почти моментально, будто кто-то щелкнул выключателем.

Таким же неожиданным и резким получается пробуждение. Я разом вынырываю из сонной пелены, открываю глаза; востепенувшись, смотрю по сторонам. В капсуле загорается свет, приглушенный на время моего беспамьятства. Сладко потягиваюсь, чувствуя себя отдохнувшим и бодрым.

– *Время сна: два часа и три минуты,* – докладывает Ним-

фа, – *Активность мозговых клеток восстановлена на восемьдесят процентов.*

Слегка нахмурившись, ползу к двери, нога бесцеремонно толкает створку.

– *Здорово*, – не слишком радостно хвалю нейросеть.

Не хватало еще отпускать искусственному интеллекту комплименты.

Дверь послушно открывается, я тут же выбираюсь наружу. Вокруг – все тот же коридор, где, кажется, совершенно ничего не изменилось за прошедшее время. Те же ряды огоньков, те же бесконечные капсулы, те же редкие силуэты постояльцев, исчезающие где-то вдалеке. И все же, несмотря на некоторую жуть ночлежки, находиться здесь гораздо приятнее, чем внутри одного из спальных гробов. Ловлю себя на мысли, что лежать в крошечной комнатухе дольше, чем необходимо для сна, нет совершенно никакого желания.

Между тем, дверца капсулы закрывается с мягким приглушенным чмоканьем. Индикатор на створке по-прежнему красный – внутри начался цикл уборки и стерилизации. Некоторое время смотрю на слегка мигающий огонек, потом медленно иду в сторону ближайшей лестничной площадки.

Достигнув фойе, оглядываю стены. При ближайшем рассмотрении удастся отыскать помимо лифта еще три незаметные ранее двери. Одна ведет в длинную туалетную комнату, разделенную на множество отдельных кабинок. Вторая открывает столь же вместительную душевую, где, наобо-

рот, никаких переборок нет, только чередой леек и полок для одежды. И в санузле, и в помывочной разделение по половому признаку отсутствует: видимо, предполагается, что индивиды не страдают излишней стеснительностью.

С удовольствием пользуюсь незамысловатыми благами цивилизации. Облегчив кишечник, иду под душ, где долго плескаюсь в теплых струях воды. Минуты две не могу сообразить, где взять полотенце, лишь потом замечаю характерные зевы настенной сушилки. Встаю под горячие потоки воздуха, влага с кожи испаряется почти мгновенно. Быстро одеваюсь, выхожу из душевой чистой и освеженный.

С любопытством оглядываюсь на третью дверь. Если это то, о чем я думаю, значит сейчас самое время осуществить давешнее желание наперекор беспардонной коробке лифта. Подхожу ближе, рука аккуратно приоткрывает створку, я выглядываю за порог.

К моей радости, за дверью именно то, на что я и рассчитывал: небольшая бетонная клетушка и две линии ступеней, уходящие вниз и вверх. Все-таки помимо лифта в здании предусмотрен и более традиционный способ перемещения, хотя, возможно, никто из постояльцев о нем и не подозревает.

Выхожу на лестничный пролет, аккуратно прикрыв за собой дверь. Смотрю вверх, но там лишь бесконечная чередой каменных ступеней, уходящая в недостижимую высь. Лестни-

да кажется такой же бесконечной, как и коридор, будто здание тянется до самого неба, а может и еще дальше.

Нога встает на первую ступень, несколько настороженно жду осуждающего оклика нейросети, но ИскИн молчит. Значит, я не делаю ничего недозволенного. А что прямо не запрещено, то и, получается, разрешено!

В среднем темпе поднимаюсь на несколько пролетов. Считаю ступени – в одном марше их ровно двадцать девять, потом поворот и снова столько же бетонных выступов. На каждом следующем этаже наблюдаю одинаковые двери, изредка меж пролетов встречаются широкие площадки неизвестного назначения. Останавливаюсь на одной из таких, чтобы немного отдышаться; в голове рождаются не слишком веселые мысли.

Интересно, сколько этажей в здании? И как высоко я сумею забраться пешком? Вряд ли я сейчас выше пятнадцатого, а ноги уже чувствуют заметное напряжение, да и легкие с непривычки несколько взбудоражены. Допустим, еще с десятка пролетов одолею, ну а дальше будет гораздо тяжелей.

Занятый мыслями, не сразу замечаю отзвуки далеких голосов, долетающих откуда-то сверху. Лишь когда злобное отражение доносит нечто ругательное, внезапно осознаю, что тут может быть кто-то еще.

Прислушиваюсь. Среди монотонного бурчания с трудом различаю несколько различных тонов. Где-то там явно двое или трое мужчин, а среди них – девушка, чей тонкий голосок

едва различим сквозь басовитое эхо.

Становится не по себе. Продолжаю медленный подъем, стараясь не издавать ни звука. Можно даже сказать – крадусь, что при моих теперешних габаритах не так уж и сложно. Тело ребенка движется скрытно, ловко, практически беззвучно. Преодолеваю несколько пролетов, с опаской вглядываясь наверх. Прячусь за поворотами, робко выглядываю из-за металлических перил. Голоса приближаются, и, наконец, я могу рассмотреть их обладателей.

Очередной марш упирается в лестничную площадку, где в красноречивых позах застыли четверо. Невысокая красивая брюнетка стоит в углу, упершись спиной в стену. Перед ней – троица парней, которых при всем желании иначе, чем головорезами, не назовешь. Уверенные, ощутимо грозные, нахальные, они явно привыкли брать все, что нужно, не встречая противодействия. Так и сейчас: никто из них не контролирует подступы со спины, охотники считают себя в полной безопасности.

– Ну что ты ломаешься, красотка? – с глумливой усмешкой растягивает слова тот, что ближе к девушке, – Ублажишь нас и пойдешь своей дорогой!

Их намерения не терпят двусмысленности, да и вся ситуация прозрачная донельзя. Трое подонков решили потешить себя женской плотью, пользуясь абсолютной безнаказанностью. Мне все понятно, кроме того, что предпринимать в данной ситуации. Может, в этом мире подобное – в порядке

вещей? Может, девушка им что-то должна? Может, не стоит влезать в непонятные отношения с угрозой для собственной жизни? Тем более, что может десятилетний пацан сделать против троих взрослых бандитов?

– *Тей, данные индивиды не сделали ничего противозаконного,* – бормочет в голове Нимфа, – *Рекомендую не связываться в неприятности...*

– *Заткнись!* – шепчу про себя, стараясь сохранять остатки невозмутимости.

Страха нет, скорее легкое недоумение – почему явно агрессивные намерения тройки не пресекаются? Если каждое их движение контролируется нейросетью, то где же ее своевременное вмешательство? Где мифическая Немезида, которой меня запугивала Нимфа?

Вглядываюсь в девушку – она действительно красотка. Не такая нарочито сексуальная, как Лола; не столь смертоносно неотразимая, как богиня; но все же – прекрасная какой-то особой неповторимой свежестью и добротой.

Длинные темные волосы ниспадают почти до пояса; в них вплетены красные нити, венчает прическу кроваво-розовый цветок. Широкое бледное лицо с невероятно большими глазами поражает своей наивностью и беззлобием. Аккуратный нос, алые губы, испуганно изогнутые брови. Тонкая шея открыта взору, также, как и большая часть груди.

Тело невысокое, слегка пухлое. Впрочем, сложена брюнетка вполне пропорционально. Объемы, пожалуй, даже

больше, чем у Лолы, хотя незнакомка и ниже ее на целую голову. Одета красотка в короткое серое платье с вкраплением красного и золотого. Эти цвета неведомым образом подчеркивают яркую белизну кожи, ткань оставляет открытым ровно столько плоти, чтобы дать фантазии вдоволь разгуляться.

[Мари Дин, эпсилон-7+]

Она хороша, даже очень, но это отнюдь не повод героизировать. Совершенно четко осознаю, что ничем помочь бедняге не могу – не с моим телом и силами. Конфликт с тройкой головорезов заведомо обречен на неудачу. А потому – не испытываю никакого желания вмешиваться.

В этом момент Мари меня замечает. Испуганный мечущийся взгляд девушки пересекается с моим изучающим взором. На миг в глазах красотки вспыхивает надежда, но тут же гаснет, уступая разочарованию и неизбывному страху.

Но этот взгляд решает все, он просто не оставляет мне шансов! Нога, уже занесенная для отступления, уверенно шагает вперед. Беззвучно преодолев оставшиеся ступени, поднимаюсь на площадку за спинами насильников.

– Привет! – писклявый голос звучит необычайно противно.

Двое оборачиваются, а третий удовлетворяется поворотом головы. Меня рассматривают с брезгливостью и насмешкой; я, в свою очередь, пробегаюсь взглядом по рослым фигурам противников.

Не обращаю особого внимания на имена, гляжу лишь на

цифры. Ближняя парочка, похожая друг на друга, как две капли воды, всего лишь на четвертой ступени эpsilon; а вот третий – похоже, вожак – забрался уже на десятую! Получается, ему не хватает лишь шага, чтобы повысить класс до «дельты»!

– Вали отсюда, малявка, – угрожающе заявляет первый, – Пока можешь ходить!

– Мальчики не в нашем вкусе, – с гнусной ухмылкой добавляет его товарищ.

Странная синяя шевелюра на голове обоих могла бы вызвать улыбку, если бы не выглядела столь угрожающей. Перекошенные злобой лица, глаза на выкате, ухмыляющиеся рты, недвусмысленно сжатые кулаки. Лишь главарь вполне заметно отличается: абсолютно лысый; чуть ниже ростом, зато чуть ли не вдвое шире в плечах; мощный, массивный, но в то же время – заметно подвижный. Успеваю отметить странную плавность движений, будто он переливается из одной позиции в другую.

– Кажется, девушка не жаждет общения, – напрягаю голос, стараясь сделать его не столь тонким, но получается плохо.

– Откуда ты знаешь, чего она хочет? – с неприкрытой издевкой глумится вожак, – Бедняжка и сама не осознает собственных желаний...

Громко хмыкнув, ближний мужчина делает шаг навстречу. Хоть я и жду чего-то подобного, но среагировать

не успеваю. Сжатый кулак врезается в область печени, разом отбрасывая хлипкое тело на стену. Не то чтобы удар был столь сильным, просто десятилетнему пацану много не нужно. Судорожно стараясь вдохнуть, сползаю на пол; обе руки держатся за живот, где, кажется, взорвалась настоящая бомба.

До слуха доносится гнусный смех троицы.

– Пожалуй, с этим тоже можно позабавиться, – замечает ударивший, – На свой лад, конечно...

Глава №5

Слегка присев, мужчина наклоняется к скрюченной жертве, и в этот момент ему навстречу устремляются два молниеносных удара.

Не скажу, что тело действует целиком само, все же руки так или иначе под контролем, я не теряю управления конечностями. Но все же – в голове нет никакого плана, действую если и не наугад, то по какому-то бессознательному наитию.

Тонкие детские пальцы острыми иглами вонзаются в глаза нагибающемуся головорезу. Отдергиваю руки, уже понимая, что удары достигли цели: громогласно вскрикнув от боли, мужчина отшатывается назад, хватаясь за лицо. Возможно, он ослеплен лишь временно; есть вероятность, что лишился зрения навсегда – но я не собираюсь этого выяснять. Оттолкнувшись спиной от стены, не слишком внушительной массой врезаюсь в потерявшего равновесие громилу, изо всех сил толкаю его плечом.

Взмахнув окровавленными руками, здоровяк оступается и кубарем летит вниз по лестнице. Провожая его взглядом, пока переломанное тело не валится на бетонный пол нижестоящей площадки. Он не делает даже попытки подняться – видимо, не слабо приложился слепой головой о ступени.

Предостерегающий девичий оклик заставляет отскочить в

сторону. И вовремя! Второй громила надвигается мрачной скалой, теперь ему уже не до шуток. Лицо не просто озлоблено, из физиономии просто-таки сочится ярость; плечи набычены, ноги чуть согнуты, в руке откуда не возьмись появилась зловещего вида дубинка.

Он бьет, не тратя время на излишние разговоры. Ударяет быстро, сильно, наверняка. Метит в голову – чтобы сразу убить, а не вывести из строя. Я кое-как отскакиваю назад, уклоняясь от смертельного оружия в последний момент.

Головорез бьет опять и опять, нанося удары без пауз и остановок, одним длинным слитным движением. Он не выглядит большим мастером, но с оружием обращаться явно умеет. Отступаю, пользуясь ловкостью и малыми габаритами собственного тела. Шаг, другой, третий – и все, упираюсь спиной в бетонную стену. Бежать больше некуда, мы оба это понимаем.

Увесистая дубина летит мне в лоб, грозясь размолоть кости в труху. Вскидываю ладонь, уже понимая, насколько жалка эта попытка защититься. Сталь пройдет сквозь худую руку, надломив ее, как тростинку, а после – без проблем раздробит череп до самого мозга. Однако, инстинктивно ставлю хлипкий блок, принимая удар на предплечье.

Слышится стук и громкий треск, я с ужасом ожидаю адской боли, но, вместо этого, прочь отлетает атаковавший здоровяк. Дубина с глухим звоном валится на пол, верзила дико воет, хватаясь за искореженную руку: его запястье вывер-

нута под невообразимым углом, из локтя торчит сломанная кость. Он орет благим матом, не веря своим глазам, а я продолжаю действовать вопреки всякому здравому смыслу.

Быстрый подшаг, легкий замах – и моя ладонь врезается в голову здоровяку. Казалось бы, что такому головорезу пощечина ребенка? Однако же, вновь раздается оглушительный треск, мужчина летит прочь, как ветка, отброшенная уверенной рукой. Покореженное тело врезается в противоположную стену и опадает вниз, голова гулко бьется о бетон. Я ошарашено опускаю руки, в пальцах чувствуется сильное покалывание, будто кровь возвращается в онемевшие члены.

Девушка все еще стоит, сжавшись в углу; полная грудь тяжело вздымается от учащенного дыхания. Во взгляде, обращенном на меня, место страха занимает безмерное удивление. А вот мне удивляться некогда, равно как и допытываться причин внезапно проснувшихся умений.

Грациозно развернувшись на месте, ко мне направляется главарь шайки. Теперь он кажется еще больше и внушительней: широкий, ощутимо мощный, но в то же время легкий и удивительно подвижный. Противник приближается мягкой походкой, расставив громадные ручищи в стороны. Я вдруг чувствую подступающие волны страха, потому что мне совершенно нечего противопоставить этой громаде, а подсознание не торопится выдавать новую порцию спасительных команд.

Слегка присев, прыгаю в ноги врагу. Дурацкая идея, неле-

пый перекат, но, как выясняется, именно он спасает мне жизнь. Еще в полете чувствую затылком проносащуюся над головой убийственную мощь. По странному стечению обстоятельств богатырский замах головореза уходит в молоко, я ускользаю из-под удара в последний момент.

Бездарно кувыркнувшись, обнаруживаю себя распластавшимся у ног Мари. Здоровенный бугай уже успел развернуться, на его лице – неподдельная злоба и жажда убийства. Там, где кулак здоровяка невольно задел стену, бетонная плита раскрошилась, словно слепленная из песка. Угрожающе рыча, главарь сдувает с костяшек белесую крошку.

Он надвигается, и я понимаю, что больше подобный трюк с прыжком не пройдет. Несмотря на громадные размеры, мужчина ловок и стремителен, ускользнуть от такого дважды – невозможно. А стоит попасть к нему в объятия – и моя участь предрешена.

Зловеще усмехнувшись, вожак заносит кулак для удара. Я невольно зажмуриваюсь, ожидая неминуемой гибели.

– Стоять на месте! – стальной голос разносится по лестничной клетке, оглушая и дезориентируя, – Любое движение будет расценено, как неподчинение Системе! Что карается мгновенной смертью!

Мне дополнительных указаний не требуется, я и так валяюсь на полу в положении, не слишком-то располагающем для сопротивления. Очень медленно осмеливаюсь приоткрыть

глаза – и вижу прямо перед собой замершего громилу. Его взор сверлит меня с неослабевающей ненавистью, в горящих зрачках читается та чудовищная сила, что потребовалась ему, чтобы остановить занесенный удар. Больше всего головорезу хочется меня уничтожить, но голос неведомого защитника держит мужчину в узде, не хуже заправских оков.

Скашиваю глаза – сверху по лестнице скатывается нечто, отливающее хорошо различимым блеском металла. Изгибаются многочисленные многосуставные конечности, обтекаемое овальное тело плывет над ступенями с грацией бетономешалки. Теперь у меня нет никаких сомнений – это робот, по внешнему виду больше всего напоминающий гигантского паука, вставшего на дыбы.

– Вы нарушаете общественный порядок! – безапелляционно замечает стальной гость, – Начинаю разбирательство!

Фиксирую взгляд на роботе, нейросеть выдает скупую подсказку:

[Немезида-центурион]

Так вот в чем дело! Тот самый ИскИн-законоборец, о котором предупреждала Немезида! Явился не запылится, почти к самому финалу драмы.

– Считаваю показания камер наблюдения... – бесстрастным голосом бормочет робот, оставаясь абсолютно неподвижным, – Сканирую данные периферии... Запрашиваю показания личных нейросетей индивидов... Провожу многофакторный анализ ситуации...

Одно из щупалец молниеносно вспрыгивает к груди головореза, угрожающе зависнув перед лицом человека.

– Кирк Гаусс! Отойдите к стене! – громкая команда заставляет меня вздрогнуть.

Главарь морщится, но послушно отступает, сопровождаемый движением стальной конечности. Резво семеня железными ногами, робот поворачивается, держа под беспрестанным наблюдением всех участников конфликта – как находящихся в сознании, так и поверженных.

– Тей Козловский! Самооборона признана правомерной! – ощущаю на себе взгляд круглых визоров Немезиды, – Вы и Мари Дин можете покинуть место происшествия. Рекомендую сделать это незамедлительно!

Просьба робота звучит приказом; подрываюсь, пытаюсь встать на ноги. Внезапное предательское головокружение мешает соображать, губительная слабость разливается по рукам и ногам, словно я только что совершил многочасовой изнурительный марафон. Не знаю, удалось бы мне устоять самостоятельно, но в этот миг меня подхватывают девичьи руки, помогая удержаться от падения.

Настороженно оглядываясь, девушка буквально тащит меня на себе. Мы спускаемся по ступеням, я едва шевелю ватными ногами.

– Еще увидимся, паренек! – злобный угрожающий голос бандита настаивает у самой двери, – Я тебя запомнил!

Не нахожусь, что ответить, а в следующий миг плотная

створка отсекает нас от лестничной площадки. Мари подводит меня к лифту, аккуратно затаскивает внутрь кабины.

Признаюсь, на некоторое время я, видимо, отключился. Или, во всяком случае, перестал воспринимать действительность. Помню какие-то проходы, коридоры, этажи... Помню нежные руки и опасную близость соблазнительного девичьего тела... А потом, сразу, внезапно – мы с Мари стоим у полноразмерной двери, в центре которой приветливо подмигивает зеленый кружок. Девушка толкает створку, та послушно раскрывается. Красотка заводит меня внутрь комнаты.

Прихожу в себя, сидя на тщательно застеленной кровати. В принципе, не слишком-то широкая кровать – единственное, что есть в комнате, по той простой причине, что нечто другое сюда не влезет физически. Ложе занимает весь пол, оставляя узкую полоску прохода в совмещенный санузел.

Из-за полупрозрачной двери душевой слышится плеск воды. Путь до комнаты помнится мне рваными отрывками, только сейчас сознание начинает работать без смазанных помех. Последнее, что зафиксировала память – Мари, исчезающая за створкой со словами: «Я сейчас!»

Пока девушка занята банными процедурами, прокручиваю перед глазами недавнюю конфликтную ситуацию. Никак не могу взять в толк – почему Немезида прибыла так поздно? Неужели в мире, где в голову каждого вживлена нейросеть, а количество камер наблюдения на метр площади про-

сто зашкаливает, невозможно наладить оперативную службу предотвращения преступлений?

Задаю этот вопрос Нимфе. Ответ произносится бесстрастным голосом служителя закона.

– *Будем следовать фактам. Тебе, что вы видели?*

– *Трое головорезов пытались изнасиловать девушку!*

– *Уточняю: **вы думаете**, что трое индивидов, вызывающих у вас явную неприязнь своей наружностью, якобы пытались проявить сексуальное насилие.*

– *А разве это не очевидно?*

– ***Не важно**, что очевидно, а что нет. Не имеют значения мысли, мотивы и рассуждения. Единственное, что нужно принимать во внимание – это поступки и их последствия для общества.*

– *Хочешь сказать, что нужно было подождать, пока подонки не приступят к делу? – никак не возьму в толк, что подразумевает ИскИн, – Возможно, было бы уже слишком поздно, во всяком случае, для девушки!*

– *Это ничего не меняет, Тебе, – успокаивающе заключает Нимфа, – Нельзя ограничивать чувства и домыслы. Перефразируя древнего мудреца: «Ничто из того, что входит в человека, не может его ни осквернить, ни возвысить. Человека оскверняет либо возвышает лишь то, что выходит наружу!»*

На секунду задумываюсь. Мне не очень нравится такой подход, хотя в нем явно присутствует некое рациональное

зерно.

– *Интересно, что это за мудрец, – произношу скорее патетически, чем с любопытством, – Сдается мне, он плохо кончил...*

– *Так или иначе, Тей, —* ИскИн отвечает, хотя я и не жду ответа, – *Такова Доктрина. Такова Система. Вам придется приспособиться.*

Ох уж это «придется»! Сразу же возникает желание спорить, возражать, противиться. Подыскиваю слова для ответа, но в эту секунду внутренний диалог прерывается появлением девушки.

Дверь ванной распахивается почти беззвучно, оттуда выходит Мари: красная, мокрая, разгоряченная. И абсолютно голая, если не считать полотенца, обернутого вокруг тела. Тонкая белая тряпочка скрывает слишком мало – не хватает длины. Сверху махровая ткань едва держится на полной груди девушки, снизу – чуть прикрывает срам. Отвести взгляд от пышущего жаром девичьего тела оказывается гораздо сложнее, чем я предполагал.

Мари замечает взгляд и как будто немного смущается. Красотка поворачивается спиной, берясь руками за влажные волосы. Она ведет гребнем по черным локонам, но мне от этого не легче: слишком уж много плоти видно из-под задравшегося полотенца.

– Я... Спасибо, что помог! – девушка начинает разговор чуть нервно, стараясь скрасить неловкость.

– Не за что. Чего уж теперь... А что это за парни?

– Местная банда, – Мари недовольно морщится, – Они уже не раз нам... то есть – мне! – переходили дорогу!

Замечаю невольную оговорку, но решаю пока что не цепляться к словам. Продолжаю сидеть, украдкой наблюдая за девушкой. Боюсь, что любая попытка встать выдала бы мое возбужденное состояние с головой.

– Почему же их не переловят? – нахмурившись, вопрошаю я, – Почему терпят беспредел? Почему Немезида бездействует?

– Сложно сказать... – Мари смотрит на меня в пол-оборота, – Такова Система. Правила сложны, их много, зачастую одно противоречит другому. Умело используя особенности Доктрины, можно достичь того, что кажется на первый взгляд запретным.

– Они могли нас убить! – возмущенный писклявый голос в очередной раз заставляет поморщиться.

– Ну и что? – изумление красотки неподдельно, – Здесь каждый делает, что вздумается. Главное – не нарушать принципов Системы!

Призадумавшись, внезапно осознаю частичную правоту подобных суждений. И действительно: смерть – не такое уж большое преступление в мире, где фактически узаконено бесконечное перерождение.

Чувствую на себе заинтересованный взгляд: Мари смотрит с превеликим сомнением.

– Скажи, Тей... – имя она произносит с непонятной робостью, – Ты что, склеротик?

– Ну да, – не вижу смысла скрывать очевидное, – Все, что помню – последние несколько часов.

– А прошлой жизни не знаешь? – девушка явно растеряна.

– Абсолютно! – никак не возьму в толк, чего от меня добиваются, – А что? Что-то не так?

Отложив гребень, Мари смотрит пристально и с недоверием. Я пытаюсь сосредоточиться на ее милом округлом личике, изо всех сил стараясь не опускать взгляд ниже.

– Просто... этого не может быть! – наконец восклицает красотка, – То, что ты продемонстрировал в драке... Я не эксперт, но тут и дураку понятно – энергетический кокон, искусство боя, повышенная скорость! Это навыки, доступные лишь высшим классам! Думаю, не всякая «гамма» способна на подобные трюки.

Пожимаю плечами. Крыть мне нечем, а оправдываться я не люблю, хотя и приходится.

– Я действительно ничего не помню и не знаю, – говорю наиболее убедительным тоном, – Возможно, просто повезло. Или сработало автоматически...

Девушка качает головой в сильнейшем сомнении.

– Латентные навыки? – теперь она будто спорит сама с собой, – Вероятность исчезающе мала. Нарботанный автоматизм? Возможно... Память стерта, но нейронные связи так запросто не разрушишь... Хотя... Все равно! Извини, но для

своего уровня ты прыгнул намного выше головы! В столь тщедушном теле просто не может храниться необходимый запас энергии!

Проведя по мне оценивающим взором с головы до пят, она делает очевидное заключение:

– Либо ты очень искусно врешь, либо не так прост, как кажешься на первый взгляд!

Молчу. Отвожу взгляд, осматривая тесную комнатку. Мне чертовски надоел этот короткий допрос, а потому решаю резко сменить тему. Показываю на кровать, на дверь ванной; спрашиваю то, что давно вертится на языке.

– Это твоя квартира?

Очередной недоверчиво-удивленный взгляд. Наконец, немного смягчившись, Мари снисходит до ответа.

– Социальный спальный блок. Частная собственность нам не по рангу, разве не знал?

– Да, слышал такое, – вспоминаю разъяснения Нимфы, – Только вот я сам спал совсем в другом месте. По сравнению с тем шкафом, здесь просто хоромы!

Девушка неожиданно краснеет.

– Это капсула для двоих, – смущенно поясняет она, – Чуть больше места, чуть больше удобства... Здесь даже туалет и душ свои собственные!

Стеснение придает ее физиономии весьма своеобразное выражение. Глаза прячутся за ресницами, носик морщится, пухлые щеки надуваются пунцовыми шариками. Разгляды-

вать подобную милоту – одно удовольствие!

– Все приспособлено для пополнения популяции... – задумчиво констатирую факт, продолжая играть на застенчивости Мари.

– Именно! – девушка послушно кивает, краснея еще больше, – Большинство ведь даже не думают о... воспроизводстве! Зачем, если можно и так перерождаться раз за разом! Поэтому разнополюсные партнеры пользуются известными преимуществами...

– Неужто игнорируют не только результат, но и процесс? – думаю, в устах ребенка подобная фраза звучит весьма дико.

– Зачастую так и есть, – тихо произносит красотка, – Многие договариваются ночевать вместе только для того, чтобы не спать в общем блоке.

Понятливо киваю. Хотя и чувствую накачивающую неловкость, все же решаю довести разговор до логического завершения.

– Ну а мы-то что? – смотрю прямо в глаза девушки, – Ляжем спать или нужно соблюсти некий формальный ритуал?

Лицо красотки переливается всеми оттенками красного, но, переборов стеснение, она поднимает взгляд.

– А ты разве против? – робко вопрошает Мари.

Она стоит совершенно неподвижно, но полотенце неким волшебным образом вдруг соскальзывает с тела, открывая взору обнаженную прелесть во всем ее великолепии и блеске. Меня накрывает волна вождления, шансов противостоя-

ять которой просто не имеется.

Глава №6

– Мне нужно идти, – едва ли не первая фраза, что я слышу после пробуждения.

Мы стоим на улице, у двери в спальный блок. Мари выглядит превосходно – даже лучше, чем вчера. Отдохнувшее, дышащее силой и здоровьем лицо притягивает взгляд, как и изгибы точеной фигуры. Золотисто-серое платье подчеркивает объемы девушки, я не могу налюбоваться на прекрасную брюнетку.

– Что значит – «нужно»? – слегка недоумеваю, – Ты же сама говорила: каждый делает лишь то, что хочет.

Ночь прошла не то чтобы бурно, скорее – сумбурно. Учитывая страстность Мари и невеликие возможности моего десятилетнего тела. Зато выспаться удалось более чем комфортно; по словам Нимфы – активность мозговых клеток восстановлена на девяносто пять процентов.

– У меня есть... определенные обязательства, – улыбается девушка, – Не беспокойся, мы обязательно еще встретимся!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.